

НОВЫЙ ГРАД

под редакцией

И. Бунакова, Ф. Степуна и Г. Федотова

П А Р И Ж

1931

Новый град

Не легкомысленная жажда новизны, не слепая ненависть к старинѣ соединила нас, искателей новаго града. Нѣтъ, в старом городѣ просто становится невозможно жить. Полуразрушенный катастрофой войны, он живет в предчувствіи новаго — быть может, послѣдняго для него — удара, раздираемый непрерывными внутренними противорѣчіями. Кризисы не страшны молодому обществу, полному сил и творческих возможностей. В кризисах мощно росла цивилизація XIX вѣка. Современные кризисы сопровождают или отмѣчают процесс упадка. Война привела к истощенію великія государства Европы и разрушила нѣкоторыя из них, в том числѣ величайшее из них — Россію. Война ознаменовала начало упадка Европы перед лицом возстающих или борющихся за свою независимость народов Востока. Сама Европа не выходит из состоянія броженія, лихорадочных метаній и беспорядка. Кризис экономической, кризис политической, кризис социальный, кризис національный. Огромная военная задолженность государств Запада, потеря восточных рынков, суженіе внутренних обуславливает неустойчивость денег, биржевыя бури, колоссальную безработицу. Демократія в цѣлом рядѣ стран оказывается безсильной создать твердую власть, способную бороться с грозной бѣдой. Поколѣніе, воспитанное на крови, вѣрит в спасительность насилія и выдвигает идеал диктатуры против правового государства. Демократія вынуждена обороняться от предприимчивых захватчиков власти, и в рядѣ стран уже разрушена новой небывалого типа тираніей. Рабочій класс, волнуемый экономическими бѣдствіями, снова готовится к штурму капиталистическаго общества. Коммунизм возстановляет революціонную доктрину и тактику 40-х годов прошлаго столѣтія, мечтая раздуть ближайшую войну в классовую революцію.

И эта война уже затягивает горизонт кровавыми зорями. Уже репетируются грандіозные спектакли уничтоженія городов газовыми и воздушными атаками. Народы вооружаются под

Содержаніе:

	Стр.
Редакция. Новый Град	3
Ф. Степун. Путь творческой революціи	8
Г. Федотов. Сумерки отечества	21
И. Бунаков. Пути освобожденія	31
Прот. С. Булаков. Душа социализма	49
Н. Бердяев. Парадоксы свободы в социальной жизни	59
С. Гессен. Пятилѣтка и школьная политика совѣтской власти	67

Идеи и жизнь

Г. Федотов. Quadragesimo anno	78
П. Вицилли. Что слѣдует отрицать в «Утвержденіях»	81
С. Жаба. Новыя идеи во французском социализмѣ	85

Книжки

Н. Лосский. Н. Бердяев. О назначеніи человека. — Н. Бердяев. Л. Троцкий. Моя жизнь. — Г. Озерецковскій. А. Югов. Пятилѣтка. — Г. Ф. «Путь» №№ 28-29. — П. Б. L. Romier. Nation et Civilisation; G. Ferrero. L'Unité du monde. — Г. Ф. A. Bremond. Une explication du monde ouvrier; P. Lhande. Le Christ dans la banlieue, Le Dieu qui bouge; R. Garric. Belleville. — Г. Ф. J. Maxence et N. Gorodetzky. Charles Péguy. — Г. Ф. P. Valéry. Regards sur le monde actuel	90
---	----

убаюкивающія рѣчи о мирѣ дипломатов и филантропов. Всѣ знают, что в будущей войнѣ будут истребляться не арміи, а народы. Женщины и дѣти теряют свою привилегію на жизнь. Разрушеніе матеріальных очагов и памятников культуры будет первой цѣлью войны. Война тлѣет под пеллом національной ненависти, злопамятства и обиды. Міровая война не могла по-дѣлать и успокоить народы. Новыя границы прошли по живому тѣлу. Взамѣн разрушенных конгломератов націй образовались новыя, насильственные соединенія. Относительное культурное единство и общеніе старой Европы до сих пор не восстановлено. Народы окопались траншеями исключительных традицій и интересов. Путешествіе по мирной Европѣ стало труднѣе, чѣм в средніе вѣка. «Европейскій концерт», «республика ученых» и «corpus christianum» кажутся разрушенными до основанія.

Тяжелѣе всѣх оказалась участь Россіи. Она расплатилась и за свои собственные грѣхи, наслѣдіе своей трагической исторіи, и за грѣхи капиталистическаго міра, вовлеченная в общій его пожар. В Европѣ экономическій кризис, — в Россіи безвыходная нищета и голод. В Европѣ борьба классов, — в Россіи уничтоженіе их. В Европѣ насиліе, — в Россіи кровавый террор. В Европѣ покушенія на свободу, — в Россіи каторжная тюрьма для всѣх. В Европѣ помраченіе культуры, — в Россіи систематическое ея истребленіе. И Россія, жертва безумнаго самоубійства, готовится стать палачем всего міра, собирая взрывчатые матеріалы для послѣдней катастрофы.

Сѣрный дождь уже падает «на кровли и башни родного Содома». Нам не вернуться к былому уюту, к теплу отцовских очагов. Нам запрещено даже оглядываться назад, чтобы не застыть соляным изваяніем отчаянія.

Многіе начинают сродняться с мыслью, что мы присутствуем при послѣдней гибели, если не человѣчества, то европейской культуры — той культуры, которая цѣлью звеньев связана — и на романо-германском Западѣ и на русском Востокѣ — с древней Греціей. Для нас, похоронивших отечество, мысль об апокалипсисѣ культуры, будящая столько отзвуков в русской душѣ, особенно искусительна. Она может быть источником мстительнаго и безсильнаго удовлетворенія.

Не поддаваться ей! Быть с тѣми, кто готов бороться, готов странствовать — не в пустыню, а к новому Граду, который должен быть построен нашими руками, из старых камней, но по новым зодческим плацам. В чем источник нашего мужества и нашей надежды?

Прежде всего мы не видим исчерпанности ни духовных, ни матеріальных сил стараго человѣчества. Гигантская трудовая машина расточает без устали свою непрерывно возобновляемую энергію. Даже экономическіе кризисы наших дней являются кризисами перепроизводства. Нигдѣ ни признаков апатіи, равнодушія или лѣни. Болѣе, чѣм когда-либо, Европа — и продолжающіе ее материки — бьется, как стальное сердце мірового двигателя. Механическія силы техники, физическія силы спорта указывают на неистощенность моральных сил. Правда, падают цѣнности состраданія, зато растут фонды чистоты и мужества. Дѣйствительно, новая Европа во многом морально здоровѣе старой. Из скептического и эстетическаго декаданса довоенных десятилѣтій вырастает мощное религиозное движеніе. И это не только пріют усталых, мистически изголодавшихся душ. Не только послѣднее убѣжище социальнаго консерватизма. Христіанскія церкви наших дней развивают большую социальную энергію, ставят своею цѣлью объединеніе и организацію раз'единеннаго міра. Молодежь волнуется смутными идеалами новаго порядка, новой организаціи. Идея реконструкціи носится над хаосом.

Кто побѣдит? Новый ли строй восторжествует над хаосом или хаос поглотит еще нерожденный строй? Будущее, к счастью, скрыто от нас. Исход завязавшейся духовной битвы не предрѣшен. Наша свобода и нація воля входят в этот исход, как одна из существенных его предпосылок. Вот почему для всѣх, кто видит возможность спасенія, борьба за него — общій долг.

Мы не одни, кто в этот рѣшающій историческій день выходит в путь в поисках Новаго Града. И мы обязаны точнѣе опредѣлить, что отдѣляет нас от других искателей.

Вмѣстѣ со всѣми живыми людьми нашего вѣка мы убѣждены, что наше поколѣніе вплотную поставлено перед социальным вопросом — не для теоретическаго анализа, а для практическаго его рѣшенія. Для нас это вопрос столько же спра-

ведливости, сколько существованія. Внести разумность в хозяйственный хаос и справедливость в мір, гдѣ эксплуатация и борьба классов — такова не утопія, а задание нашего времени. У нас нѣтъ готовых рецептов. Соціализм понятіе слишком многосмысленное. Едва ли это слово способно опредѣлить смысл открывающихся в туманѣ очертаній будущаго хозяйственнаго строя. Мы готовы назвать его трудовым, ибо труд, а не капитал займет в нем почетное мѣсто. Но мы не прельщаемся мечтой об абсолютном государственном принужденіи в организациі труда. Мы хотим сохранить начало свободы и творчества в хозяйственном процессѣ. В этом вся трудность и своеобразие современной социальной проблемы.

Против фашизма и коммунизма мы защищаем вѣчную правду личности и ея свободы — прежде всего свободы духа. Вынужденная поступиться многим в своей экономической свободѣ ради спасенія цѣлаго, ради возможности общаго дѣла, личность сохраняет свое нравственное достоинство в глубинѣ своей совѣсти, своей мысли, своего духовнаго творчества. Это признаніе свободы личности отдѣляет нас от большинства так называемых пореволюціонных теченій русской политической мысли, с которыми нас роднит общее пониманіе политическаго кризиса и воля к новой организациі жизни. В охранѣ свободы, как драгоценнаго завѣщанія XIX вѣка, мы занимаем позицію консерваторов. Но мы не удовлетворены буржуазным пониманіем свободы и ищем для нея новых обоснованій.

Начала новаго свободнаго порядка и справедливости, утверждаемая в государственном общежитіи, должны быть обеспечены и в отношеніях между націями. Націи — великія личности — должны сохранить во всей полнотѣ свободу своего творчества, но поступиться долей политической и экономической свободы, чтобы войти в общечеловѣческое общеніе. Каким смыслом работать над созданіем мира и порядка в своем собственном домѣ, когда этот дом обречен на разрушеніе в борьбѣ внѣшних сил? Изолированное существованіе націй стало давно невозможным. Болѣе, чѣм когда-либо, мір, при всей раздирающей его ненависти, живет связанной жизнью. Друзья и враги спаяны цѣпью общей судьбы. Уже Европа становится тѣсной для новаго понятія политическаго человѣчества. Наше

вниманіе приковывают к себѣ и Запад и Восток и на рубежѣ их — Россія.

Россіи отдаем мы наши самыя завѣтныя мысли. Образ міра, среди котораго мы живем и который лучше видим, не заслоняет в наших глазах далекаго, трудно уловимаго, но всегда близкаго лица Россіи. Ненавидя ея палачей, вглядываясь пристально в ея усилія к освобожденію, мы отдаем себѣ отчет во всей сложности матеріальных и духовных процессов, в ней совершающихся. Мы стремимся мысленно отдѣлить внѣшне связанное и внутренне переживаемое ей. Мы хотим уловить образ подлинной — это не значит чистой и безгрѣшной — Россіи, и опредѣлить основы, на которых должна сложиться ея историческая жизнь. Если хоть нѣкоторыя из наших страниц дойдут до нея и помогут кому-нибудь там в мучительном дѣлѣ національнаго и социальнаго самоопредѣленія, мы будем стоицей вознаграждены за наш труд.

Свобода личности и правда общежитія, національное и вселенское начала — гдѣ могут они быть примирены, внутренне и органически, внѣ христіанства? Современное развитіе «позитивной» мысли, консервативной, либеральной и социалистической — разбивает единство христіанской правды в осколки. Каждый из них становится кривым зеркалом міра и односторонне-опасным орудіем дѣйствія. Лишь христіанство не эклектически, а цѣлостно утверждает равенство цѣлаго и части, личности и міра, Церкви и человѣческой души. Христіанство безконечно выше социальной правды, христіанству, в его трагическом развитіи на путях исторіи, случалось тяжело погрѣшать против социальной правды, и все-таки осуществленіе социальной правды возможно лишь в христіанствѣ: как общественное выраженіе абсолютной правды Христовой. Но мы не связываем приходящих к нам никакую исповѣдную формулой, довольствуясь наличностью извѣстнаго духовнаго единства. Мы спрашиваем не о том, во что человек вѣрует, а какого он духа. Под этим знаменем соединились мы в борьбѣ за правду Новаго Града.

Путь творческой революции

В Аргентинѣ паровозы топят пшеницей. Канада спускает хлѣб в море. Бразилія уничтожает часть кофейнаго урожая — а в Нью-Йоркѣ, Лондонѣ и Берлинѣ люди ежедневно лишают себя жизни с голоду.

Переутомленные рабочіе всего міра ведут напряженную борьбу за сокращеніе рабочаго дня. И все же имѣющіе пока работу предпочитают на свой счет содержать 30 милліонов безработных, чѣм, уступив им часть работы, сократить свой рабочій день.

Соціал-демократическая партія Германіи все время занимает командныя высоты власти, но все же и понынѣ 93,6% немущаго населенія Германіи владѣет 40% народнаго достоянія, а 0,15% богатѣев — 26%.

Немногочисленные защитники классической политической экономіи время от времени пытаются успокоить Европу привычными соображеніями о том, что в буржуазно-капиталистическом мірѣ есть в сущности все необходимое для процвѣтанія челоувѣчества: громадныя капиталы, усовершенствованныя орудія производства, обиліе рабочих рук. Но этим послѣдшам рационалистически-оптимистическаго просвѣщенства уже мало кто вѣрит. Всѣм наиболѣе чутким людям послѣвоенной Европы ясно, что элементы благополучія налицо, но нѣтъ самаго главнаго: — «предустановленной гармоніи» между этими элементами.

Нецѣлесообразное распредѣленіе капитала между отдельными европейскими странами порождает сплошныя политическіе и экономическіе крахи: финансовая солидность и политическая несговорчивость французскаго капитала растит направленное против Франціи націонал-соціалистическое движеніе в Германіи, а экономическая слабость Германіи заставляет нѣмецкій финансовый капитал заниматься легкомысленной спекуляціей, что ведет к банковым крахам, бьющим, к сожалѣнію, далеко не только по банкирам.

Орудія производства усовершенствуются, — особенно далеко ушла в этом отношеніи Германія; но доведенная до конца механическая рационалізациа оборачивается на наших глазах полной экономической ирраціональностью. Производственная мощь европейских фабрик сейчас настолько превышает покупательную способность міроваго рынка, что половина фабрик и половина машин на фабриках бездѣйствует. Сокращенный же рабочій штат должен вырабатывать, кромѣ доходов для капиталистов и заработка для себя, еще и суммы, необходимыя для уплаты процентов на капиталы, затраченныя на постановку бездѣйствующих машин. В результатѣ всего — невозможность занять избыток рабочих рук, которыя не только от отчаянія, но и от бездѣлья переходят к работѣ на революцію.

Пред лицом столь очевиднаго экономически-финансоваго хаоса в разных странах и классах Европы все чаще и чаще раздаются требованія перехода к плановому хозяйству. Это исконно социалистическое требованіе в искаженном видѣ реализуется нынѣ всею трестированною и картелизированной промышленностью, давно отказавшейся от принципа свободной конкуренціи, с азартом защищается реакціонно-радикальными элементами Европы — в особенности націонал-соціалистами, — но выдвигается также и болѣе умѣренными, собственно говоря, буржуазно-демократическими политиками. Так Pierre Cot, на примѣр, пишет: «Необходимо созданіе пяти- или десятилѣтняго плана обще-европейскаго хозяйствованія. Необходим отказ от принципа либеральнаго хозяйствованія, осужденнаго фактами. Необходимо установленіе порядка вмѣсто безпорядка, ясности вмѣсто иллюзій, дисциплины вмѣсто анархіи».

Защита плановаго хозяйства наталкивается, однако, в Европѣ на весьма сложный вопрос о суб'ектѣ хозяйствованія. В качествѣ такового с самых разных сторон все настойчивѣе и настойчивѣе выдвигается государственная власть. (Нарожденіе нѣкоего новаго этатизма является безспорно одною из самых характерных черт формирующагося сознанія послѣвоенной Европы). Но тут сразу же обнаруживается дальнѣйшій этап общеевропейскаго кризиса: тот факт, что парламентарная демократія, благодаря своей идейно-психологической связи с духом либерально-капиталистическаго индивидуализма, является поли-

тической формой наименѣ приспособленною к возвращенію сильной государственности. И на самом дѣлѣ, нельзя не видѣть, что роль государственной власти в парламентских демократіях в гораздо большей степени сводится к роли зеленого стола, за которым борются за преобладаніе экономической и политической силы страны, чѣм к роли волевых центров, способных на творческое водительство народов.¹⁾

Так кризис капитализма сливается в Европѣ с кризисом демократіи. Отсюда безусловный рост симпатій к фашистско-соціалистическим теоріям и настроеніям, а тѣм самым и рост популярности Совѣтской Россіи.

Конечно, большевицкое хозяйство всѣх кормит впроголодь, но все же производственно-технический успѣх Совѣтской Россіи не подлежит ни малѣйшему сомнѣнію. Согласно данным «Института по изслѣдованію міровой хозяйственной конъюнктуры» в Килѣ, внѣшне-торговый оборот всего міра упал за послѣдніе три года со 100 на 70, оборот же Совѣтской Россіи поднялся со 100 на 150. Эти цифры, правильность которых можно было бы подкрѣпить десятками других, являются предупреждающим сигналом для всѣх тѣх, кто все еще строит новое отрицаніе большевиков на том основаніи, что у них, фантазеров, ничего не выходит. Это весьма скользкій путь, который завтра может привести к совершенно неожиданным результатам: к полной капитуляціи перед большевизмом.

Если бы у большевиков дѣйствительно ничего не выходило, а во всем антибольшевицком мірѣ все обстояло бы как нельзя лучше, то не о чем было бы и беспокоиться. Но в том то и дѣло, что ничего подобнаго утверждать не приходится. За 13 лѣтъ своего властвованія большевики из печальнаго недоразумѣнія русской жизни выросли в грозную мировую силу.

Чѣм же объясняется столь очевидный успѣх их, как многим вначалѣ казалось, совершенно безнадежнаго дѣла?

¹⁾ Образ заимствован из: *Hoins Freyer. Revolution von rechts.* Eugen Diederichs. Jena.

Послѣднею причиною того всесторонняго кризиса, который раз'ѣдает нынѣ капиталистическій мір, является принципиальная несовмѣстимость ирраціональной глубины человеческой души с рационалистическим сознаніем этого міра. Мрачность и сложность нашей эпохи объясняется прежде всего розовостью и упрощенностью положенных в ея основу гуманистически-просвѣщенских идей. Лишь превратив Бога в разум и человѣка в доброе и безгрѣшное от природы существо, можно было дойти до парадоксальной вѣры в то, что индивидуалистическая защита каждым членом общества своих личных интересов должна обернуться гармонической жизнью всего общества. Только этою легкомысленно-оптимистическою вѣрою объясняется основная идея буржуазно-капиталистическаго міра — идея свободной конкуренціи, глубоко чуждая и даже враждебная всякому соціальному началу, как таковому. Славянофилы, и в особенности Ив. Кирѣевскій, вполне правильно усматривали в рационализмѣ безрелигіозной мысли и в соціальном атомизмѣ основныя черты и основныя опасности грядущаго XIX вѣка.

На первый взгляд возможно, как будто, возраженіе, что XIX вѣк не только вѣк либерально-буржуазнаго рационализма, но и вѣк социализма и соціальной политики. При ближайшем разсмотрѣніи это возраженіе однако отпадает. Рожденный в нѣдрах буржуазно-капиталистическаго индивидуализма, западный социализм оказался пораженным глубоким сходством со своим противником. Как и либерально-капиталистическій, так и социалистическій мір Запада вѣрит не в Бога, а в науку, не в свободнѣе творчество исторіи, а в неизбежность прогресса, не в исконно грѣховную человеческую душу, а в изначально безгрѣшную человеческую природу. Идею свободной конкуренціи социализм, правда, отрицает, но в реальную духовную солидарность человечества он вѣрит не крѣпче, чѣм капитализм. Доказательство: — догмат классовой борьбы, до которой буржуазная практика додумалась задолго до социалистической теоріи. Нельзя, конечно, забывать, что классовая борьба оправдывается в социализмѣ вѣрою, что в конечном счетѣ она ведет к гармоніи внѣклассоваго общества. Но, вѣдь, и буржуазно-либеральный индивидуализм оправдывал и оправдывает идею свободной конкуренціи тѣм, что борьба всѣх против

каждого и каждого против всѣхъ есть прямой путь къ социально-экономическому миру всего человѣчества.

Степень малообоснованнаго оптимизма остается в обѣихъ случаяхъ одна и та же.

Никакого внутренняго, духовно-опытнаго преодоленія буржуазно-индивидуалистическаго духа в западно-европейскомъ социализмѣ искать, такимъ образомъ, не приходится. Яблоко недалеко упало отъ дерева.¹⁾ И эту близость объясняется тотъ фактъ, почему громадное усиленіе социалистическаго вліянія в послѣвоенной Европѣ не привело ни къ какимъ рѣшающимъ измѣненіямъ в культурно-политической жизни европейскаго человѣчества.

В своей борьбѣ противъ буржуазно-капиталистическаго міра, западно-европейскій социализмъ отказался отъ своей главной ставки, отъ ставки на ирраціональную, духовно-творческую глубину человѣка. Благодаря этому отказу онъ не сталъ тѣмъ, чѣмъ по своей же собственной теоріи, долженъ былъ стать: — антитезисомъ капитализма. Реальное преображеніе социальной сферы на Западѣ безконечно затруднено тѣмъ, что западно-европейскій социализмъ в самомъ главномъ консервативенъ, что его концепція человѣка ничѣмъ не отличается отъ либерально-буржуазной.

Но не сумѣвъ опереться в своей революціонной проповѣди и в своемъ социальномъ творествѣ на преданную капиталистическимъ міромъ живую тайну человѣка, его религиозную глубину, западный социализмъ не посмѣлъ и окончательно от нея отречься, не посмѣлъ превратить человѣка в мертвый матеріалъ своихъ отвлеченныхъ замысловъ о безбожномъ «царствіи Божьемъ»... на землѣ. Этимъ унаслѣдованнымъ от либерализма уваженіемъ «правъ человѣка и пражданина» и объясняется «половинчатость» западнаго демократическаго социализма.

То, чего не осилилъ западно-европейскій социализмъ, оказалось вполнѣ по силамъ большевизму. Колумбово яйцо большевизма — радикальная отрицательность человѣка с большой буквы. Своєю смѣлою и страшною волею къ радикальному переустройству

¹⁾ Ср. Ф. Степун. Мысли о Россіи. Совр. Зап. № 35. Стр. 338-340.

жизни, большевизмъ прекрасно учелъ невыгодность двойственнаго, западно-европейскаго отношенія къ человѣку. Послушно принявъ позитивистически-материалистическое невѣріе в религиозную природу человѣка, онъ рѣшительно додумалъ это положеніе до конца и пришелъ къ полному отрицанію свободы. Расторгнутая в Европѣ связь между религиозной истиной и политической свободой была имъ снова восстановлена. Правда, — с обратнымъ знакомъ, но зато и в полной мѣрѣ: никакихъ боговъ, слѣдовательно и никакихъ свободъ. В этомъ радикальномъ разрѣшеніи основнаго метафизическаго вопроса — громадная сила большевизма.

Если либеральная буржуазія, а за ней и европейскій социализмъ отказались отъ легенды, что душа человѣка — это дыханіе Божіе, то большевизмъ всерьезъ повѣрилъ, что никакой души у человѣка нѣтъ, а потому в сущности нѣтъ и самого человѣка. Есть только пролетарій, душа котораго конденсированный паръ в котлѣ, и буржуй — душа котораго отработанный паръ котла. Эту окончательную отрицательность человѣка, разрѣшающую большевизму строить счастье человѣчества, ни в какой мѣрѣ и степени не считаясь съ несчастіемъ каждаго отдѣльнаго человѣка, и объясняется безусловный успѣхъ его в прямомъ (теоретическомъ), а не только в переносномъ (этическомъ) смыслѣ безчеловѣчнаго дѣла.

Извѣстно, что всякое «доведеніе до конца» неизбежно порождаетъ нѣчто новое. Та сила, которая свойственна всякой послѣдовательности, объясняется однако не тѣмъ, что старое доводится до абсурда, а тѣмъ, что в этой абсурдности оно само себя отрицаетъ в пользу новаго. Есть такое новое (конечно, лишь относительно новое) и в большевизмѣ. Оно заключается не в томъ, что онъ насаждаетъ в Россіи послѣднее слово западной цивилизаціи, а в томъ, что онъ насаждаетъ его съ такою вѣрою, которой на Западѣ давно уже нѣтъ.

Новымъ началомъ большевизма является, такимъ образомъ, нѣчто весьма старое — вѣра, двигающая горами. В томъ, что предметомъ этой вѣры является атеистически-раціоналистическая утопія западнаго коммунизма и состоитъ гордый узелъ боль-

шевизма, Лениным лишь заново затянутый, захлестнутый же задолго до него.

Элементарно лубочную и новоявленную идеологию Р. К. П. надо строго отличать от сложного, древняго и типично-русскаго явления большевизма.¹⁾ Характеристики этого большевизма в нѣскольких словах не осилишь. Главное же, что нужно понять, это то, что он является послѣдним словом трагическаго пересѣченія только еще восходившей к своей собственной культурѣ русской религіозности с только что порвавшей со своими религіозными корнями западно-европейской культурой. Культурное безсиліе русской религіозности слилось в нем воедино с безрелигіозностью западно-европейской культуры. В результатѣ случилось религіозное утверждение западно-европейской атеистической цивилизаціи, т.-е. тот типичный, и в точном смыслѣ этого слова сатанинскій антитеизм, который является невидимою для самих большевиков осью всего их дѣла.

Из всего сказаннаго слѣдует, что позиція буржуазно-капиталистическаго міра в качествѣ платформы для борьбы с большевизмом должна быть признана непригодною. Большевизм есть прямое порождение капитализма. Бороться же с каким бы то ни было явленіем путем усиленія порождающих его причин — абсурд.

Напряженнѣйшая сейчас борьба между буржуазно-капиталистическим и коммунистическим мірами по существу безвыходна: это борьба сіамских близнецов. Кто побѣдит в послѣднем счетѣ, безразлично, так как связанный с трупом побѣдитель неизбежно умрет в результатѣ побѣды. Всѣм, не являющимся апологетами ни чистаго капитализма, ни стопроцентнаго большевизма эту двойную смерть можно только привѣтствовать. Практически она означала бы спуск западно-европейскаго капитализма на тормозах к принципам социалистическаго плановаго хозяйства и постепенный поворот Советскаго Союза к политической демократіи. Такое развитіе вещей было бы побѣдой де-

мократическаго социализма и означало бы безспорно временную отсрочку окончательнаго заката общих капитализму, социализму и коммунизму духовных основ культуры.

Отрицать всякую возможность такого, с точки зрѣнія ближайших, практических задач міроустройства, безусловно желательнаго развитія вещей, было бы чрезмѣрным пессимизмом. Но чрезмѣрным оптимизмом было бы, с другой стороны, обратное утверждение, что мір сейчас ничего не жаждет, кромѣ как сраженія Лиги Націй со Вторым Интернаціоналом.

Проблема двуединой трагедіи, поставленная современному человѣчеству — «империалистской бойни» и «пролетарской революціи» — гораздо глубже. В концѣ концов она сводится к вопросу: возможно ли устройство человѣчества на землѣ внѣ признанія человѣка за сверхприродное, духовное существо, или иначе: возможно ли принципиально безрелигіозное разрѣшеніе культурно-политических и социальнo-экономических вопросов жизни. Люди, услышавшіе в громѣ войн и революцій этот вопрос и отвѣтившіе на него отрицательно (положительный отвѣтъ для имѣющих уши, чтобы слышать, — невозможен) принадлежат к перекликающемуся сейчас стану тѣх новых революціонеров духа, которые одни только смогут подойти к рѣшенію тягчайшаго кризиса, в котором мучается мір. Всѣ же, что в громах войн и революцій, пронесшихся над землей, не услышали скорбнаго молчанія неба, принадлежат к той огромной арміи вчерашних людей, которые, как бы страстно они о завтрашнем днѣ между собою ни спорили, завтрашняго дня не завоюют.

Конечно, в утвержденіи религіознаго начала, как основы культуры и жизни, ничего небывало новаго нѣт. Но дѣло вовсе и не в новом, как таковом, а в творческом обновленіи вѣчных форм нашей в себѣ самой запутавшейся жизни. Обновленіе же это невозможно иначе, как через возвращеніе к религіозным истокам міра и через новое от них возвращеніе в жизнь.

Вѣрность этого, на первый взгляд, как будто бы столь далекаго от практической жизни положенія, косвенным образом доказывается дѣловитѣйшими рѣчами дѣловитѣйших людей Европы. Финансовые короли, промышленные магнаты и правительственные мужи изо дня в день хором твердят о том, что

¹⁾ Ср. Ф. Степун. «Мысли о Россіи», «Совр. Зап.», книга XXX.

никакое социальное-политическое устройство Европы не осуществимо без всеобщего и взаимного доверия. Мысль эта вне всякого сомнения верна; сомневаться в искренности ее защитников также не приходится. И все же из нея, к сожалению, решительно ничего не следует кроме того, что шансы на скорое устройство Европы невелики. Невелики потому, что требование доверия вне веры, требование доверия в качестве починочного материала для трещащего по всем швам мирового хозяйства, является неоспоримым доказательством того, что требующие доверия не имеют ни малейшего представления о природе того, чего им в сущности не достает, а потому и ни малейшего шанса обрести недостающее им. Мало верить в доверие, необходимо, чтобы доверие верило в веру, а вера верила в Бога. Только так замыкается круг чувств, способных к духовному осилению жизненных реальностей. В незамыкаемости этого круга — скрытый очаг всех социальных и политических болезней буржуазно-капиталистической культуры Запада. Та борьба всех против всех, против которой на словах протестуют церкви и государства, банкиры и промышленники, фашисты и коммунисты, либералы и социалисты, немцы и французы оттого и не прекращается, что идеологии всех борющихся сторон уже давно утратили всякую духовно-опытную связь с соответствующими идеями, что всюду царит никем почти не сознаваемая **метафизическая инфляция**.

И действительно, если современному капитализму предложить к уплате выданные им векселя свободы, то окажется, что ему платить нечем, кроме как требованием освобождения капитала от тарифной политики профсоюзов.

Не сможет платить по своим патриотическим векселям и национал-фашизм: основной капитал немецких национал-социалистов состоит не из любви к родине, а из тредной ненависти к «французам, марксистам и жидам». Лучше, но не принципиально лучше, обстоит дело и в социалистическом лагере, где борьба за социалистическую идею весьма часто подменяется безыдейной борьбой за улучшение пролетарского положения в капиталистическом мире.

Перечисление этих подмен можно было бы продолжать без конца, но, быть может, важнее указание на

то, что лежащая в их основе духовно-метафизическая инфляция оборачивается совершенно чудовищным лицемерием. Так «стальные короли» Германии, продающие сталь за границу по ценам, составляющим около $\frac{2}{3}$ внутренне-рыночной цены,¹⁾ искренно возмущаются советским демпингом. Также возмущаются вывозом русской целлюлозы американские целлюлозники (протестуют против применения подневольного труда на лесозаготовочных работах); но тем же вывозом, к сожалению, совершенно не возмущаются писчебумажники, для которых дешевая русская целлюлоза означает весьма ощутительное повышение дохода. Патриотическая Германия, все время страстно защищавшая восточную, т.-е. советскую ориентацию внешней политики, ныне страстно возмущена французским заигрыванием с большевиками; причем она возмущена, конечно, не тем, что Франция старается как можно лучше устроить свои дела, — это естественно, — а тем, что она поддержкой коммунизма разлагает европейскую культуру.

Ясно, что при таком состоянии сознания всякое взаимное доверие предельно затруднено. Без него же невозможен тот стговор враждующих между собою европейских сил, который один мог бы оказать реальное сопротивление наступающему большевизму.

Положение, в которое таким образом попадают борцы за новую Россию, безконечно трудно. На буржуазном Западе, а потому и в среде его русских защитников — фиктивное единство добра и бытия (добро прикидывается существующим); в большевизмской России — реальное единство небытия и зла (зло, под знаком добра, открыто творит свое разрушение). Опора на фиктивное добро в борьбе против реального зла — очевидно бессмысленна. Ясно, выхода или вообще нет, или он заключается, как уже было сказано, в возврате к религиозным основам жизни. Это положение не означает ни требования теократии (хотя бы и свободной), ни того очерковливания жизни, о котором сейчас так много говорят в религиозно-философских кругах русской эмиграции. Его смысл, по крайней мере, его **начальный** смысл гораздо скромнее. Дух религиозности есть преж-

¹⁾ Ср. *Ferdinand Fried. Das Ende des Kapitalismus.* Eugen Diederichs Verlag. Jena.

де всего дух иѣлостности, соборности, любви, встрѣчности и мира. Религіозное утверждение всякой идеи неизбежно повертывает ее потому лицом к другим идеям; безрелигіозное разрывает ее связь с другими идеями; противрелигіозное превращает ее в их гонительницу и гасительницу.

Всѣ мучающія современность тяготы и болѣзни связаны в послѣднем счетѣ с тѣм, что основныя идеи европейской культуры — христіанская идея абсолютной истины, гуманистически-просвѣщенская идея политической свободы и социалистическая идея социально-экономической справедливости — не только не утверждают своего существеннаго единства, но упорно ведут озлобленную борьбу между собою. Положеніе это является тяжелым наслѣдіем девятнадцатаго вѣка, для котораго характерно и безразличіе христіанства к вопросам творчества и свободы и острая вражда политическаго свободолубія к социалистическому стремленію практической (социально-экономической) реализаціи свободы.

В результатѣ — безрелигіозная культура, утверждающая свободу лишь в образѣ хищническаго капитализма и справедливость в образѣ социальной революціи.

Выход из этого положенія — в органическом, творческом сращеніи всѣх трех идей. Только такое сращеніе способно избавить мір от того, единаго в своих основах, безумствующаго в мірѣ буржуазно-большевицкаго духа, который, неизвѣстно почему, именуется духом научно-технической трезвости и реалистической политики. Какая трезвость, когда у всѣх от кровавых испареній голова кругом идет, и какая реалистичность, когда у 30 милліонов людей нѣтъ возможности заработать насущный кусок хлѣба! Россіи, впервые доведшей до конца атеистически-материалистическія основы буржуазной культуры, начисто отмѣнившей идеи свободы и личности, предстоит и первой выйти на новый путь духовнаго, культурнаго и социального творчества.

В предчувствіи и ожиданіи такой возможности необходим сговор и объединеніе всѣх тѣх живых русских сил, которым ясен подлинный смысл переживаемаго человѣчеством кризиса. О том, на чем объединяться — спорить не приходится. Раз выход — в сращеніи тѣх идей, взаимная вражда которых является глав-

ною причиною всѣх мук и преступленій нашей эпохи, то ясно, что объединеніе людей возможно только на задачѣ объединенія этих идей, т.-е. на защитѣ **духовѣческаго свободолубиваго социализма**.

Задача эта покажется практически бессмысленной и теоретически утопической всѣм чистопородным клерикалам, либералам и марксистам. Но это не важно. Пафос чистопородности не только расовой, но и культурнической, представляет собою нынѣ глубоко реакціонную силу. Сейчас слово не за обособленіем, а за воссоединеніем, не за рутинным дѣлячеством, а за творческим дѣлом, не за старыми, а за новыми людьми. Этот новый круг должен составиться из тѣх христіан и вообще из тѣх вѣрующих в дух людей, которых денно и ношно жжет совесть за то положеніе, в которое попал мір, — из тѣх либералов и демократов, которые перед Вавилонской башней европейской цивилизаціи и міроваго хозяйства поняли, что дѣло не только в свободѣ мнѣній и собраний, но прежде всего в освобождающей истинѣ и соборном сознаніи, и тѣх социалистов, которые на примѣрѣ Россіи всѣм своим существом ощутили, к чему ведет настоенный на материализмѣ и классовою борьбѣ социализм, глухой к свободѣ и истинѣ. Перед центростремительными усиліями этих нынѣ еще разрозненных сил встает великая задача интуитивно разгадать и творчески закрѣпить рождающійся нынѣ в Совѣтской Россіи образ новаго человѣка. Успѣшное разрѣшеніе этой задачи невозможно без пробужденія в нас прозорливой любви к родинѣ, не только в ее прошлом и вѣчном, но и в ее настоящем обликѣ, без пробужденія подлиннаго патриотизма.

Но одного исторіософскаго замысла о судьбѣ будущей Россіи мало. Необходимо его преломленіе в политической и социально-экономической идеологіи. В дальѣйшем же, конечно, как программное, так и организаціонное закрѣпленіе этой идеологіи. Таковы этапы единственно возможной творческой борьбы против большевизма. При этом надо, как огня, опасаться всяких поддѣлок. Надо твердо помнить, что большевизм наизнанку отнюдь не антибольшевизм, что фашистскій націонализм, развязно гриммирующий сложное, скорбное, но еще смутное лицо поднимающейся против большевиков Россіи то под Чин-

гис-Хана, то под Гитлера, а то и просто под взбунтовавшегося большевика, не подлинный патриотизм. Главное же, надо помнить, что брезжущий нынѣ в сознании многих русских людей христианский путь, идущий от церкви к религиозной общественности, бесконечно долгод и труден. Поставить крест над Петровским периодом русской истории, перечеркнуть крест на крест в своем националистическом сознании реальность Третьяго Интернационала не трудно, но с подвигом тяжелого труда над осуществлением религиозной общественности все это не имѣет ничего общаго.

Как ни тяжело жить в сознании тяготящего над Россіей большевицкаго гнета, нельзя забывать, что вести борьбу с большевизмом на большевицкій лад и в большевицких темпах нам нельзя. Стоящая перед нами задача гораздо сложнѣе той, что стояла в свое время перед радикальной русской интеллигенцией. Ея миссія заключалась в организации разрушенія, наша — в возвращении творчества.

Федор Степун.

Сумерки отечества

Война классов или война народов? Так ставят вопрос на обоих крайних флангах современной политической Европы. Увы, если так его ставить, то приходится сказать, что выбора нѣтъ. Социальная революція, побѣдившая в одной странѣ, создает непрестанную военную угрозу для мира. Но еще несомнѣннѣе, что война, каков бы ни был ее исход, создает угрозу социальной революціи. И даже если видѣть в революціи большее зло, чѣм в войнѣ — к чему так склонны русскіе эмигранты, — то и с этой точки зрѣнія война оказывается все-таки злом большим, в условиях нашего времени. Ибо она создает революцію с большей необходимостью, чѣм революція войну. Это наш опыт. Современный коммунизм — дитя не капитализма, а войны, и в этом его отличие от радикальнаго социализма довоенной эпохи. Социализм начала XX вѣка, сохранившій революціонную фразеологию 40-х г.г., давно отказался от революціи ради социальной реформы. Он быстрыми шагами шел к мирному завоеванію власти и пріятію государственной и национальной отвѣтственности. Только война и вызванныя ею социальные потрясенія обострили классовые антагонизмы и, вмѣстѣ с апоэозом насилія, возродили мечту о кровавом очищеніи мира.

Война нашего времени питается не религиозными идеями и не династическими притязаніями — с этим всѣ согласны; но и не экономическими интересами — марксисты ошибаются или преувеличивают. Война питается по-преимуществу национальными страстями. Внѣ этих страстей противоположные интересы финансовых олигархій (кстати, сталкивающиеся и внутри отдѣльных стран) никогда не могли бы заставить народы с таким ожесточением в течение четырех лѣтъ истреблять друг друга. В условиях современных демократических обществ — а Германия Гогенцоллернов, по своей структурѣ, была тоже своеобразной демократіей — война немислима без вольнаго и страстнаго пріятія ее народом, без взрыва пламенных аффектов ненависти и мести. Демагогія, обман — говорят одни. Демаго-

гя и обман сыграли свою отвратительную роль во внутренней политикѣ войны, но не за обман отдали свою жизнь миллионы мучеников и тысячи героев. Они отдали ее за любовь к родинѣ и за ненависть к врагу. К сожалѣнію, ненависть нѣмцев и французов друг к другу — не обман, а подлинный факт, отравляющій духовную жизнь Европы уже два поколѣнія. Не обман взаимное недовѣріе, подозрѣніе или антипатія между Англійей — Франціей, Франціей — Италіей, Италіей — Германіей, Германіей — Польшей, Сербіей — Болгаріей и т. д. и т. д. Вся Европа, с одного конца до другого — огромный, полузасыпанный золой костер національной злобы.

Что составляет роковую особенность національнаго чувства, так это глубокая сплетенность в нем отрицательных и низменных аффектов с самыми благородными и высокими. Отечество или родина для большинства европейцев наших дней является единственной религіей, единственным моральным императивом, спасающим от индивидуалистическаго разложенія (Баррес — Моррас). Величіе родины оправдывает всякій грѣх, превращает низость в геройство, как в эпоху примата церковнаго сознанія злодѣйство принималось *ad maiorem Dei gloriam*. Можно бороться с корыстным интересом, с низкой страстью во имя общественнаго идеала. Но как бороться с тѣм великим началом, из котораго вырастает почти вся наша культура?

Соціалисты и космополиты, не видящіе в національном сознаніи ничего, кромѣ предразсудка, слишком облегчают себѣ задачу — теоретически, и вмѣстѣ с тѣм, практически, бѣгут разбить себѣ голову об стѣну.

Горе не в природѣ національной жизни, а в современных формах ее, в болѣзни національнаго сознанія.

Прошло не болѣе вѣка с тѣх пор, как національный принцип начал побѣдоносно утверждать себя в государственной жизни Европы. И вот он уже разлагается — вмѣстѣ со всѣм содержаніем великой, но оторвавшейся от христіанскаго лона культуры.

Прежде всего обратим вниманіе на все возрастающую насильственность и исключительность національных чувств. Романтики, творцы современнаго національнаго сознанія когда-то

любовно пѣствовали чужих дѣтей. Кельтскій, германскій, романскій фольклор, универсальный мір средневѣковья — представляли общій фонд, откуда черпали пѣвцы и культуртрегеры современнаго национализма. В наши дни подобная широта представляется невозможной. Вмѣстѣ с суженіем сознанія растет его насильственность. В довоенной Европѣ десятых годов нашего вѣка — что возмущало безоблачное небо? Не классовая борьба, смягчившаяся со временем, а исключительно національныя революціонныя движенія. Австро-Венгрія — театр непрекращающейся борьбы народов. Балканы (Македонія) — дикій національный террор. Ирландія — пороховой погреб. Все-го интереснѣе то, что в Ирландіи болѣе агрессивны не синфайнеры, а ульстерцы, которые готовили открыто гражданскую войну, организовали цѣлую армію для борьбы против гомруля. Консерваторы готовились защищать свой Ульстер против Британской имперіи! В этом фактѣ выразилась обоюдострость національной опасности. Национальныя революціи угрожают и слѣва и справа, т.-е., как со стороны угнетенных, так и со стороны господствующих народов.

Всѣ насильственныя энергіи, накопившіяся в довоенной Европѣ, разрядились, не убывая, в міровой войнѣ. И в этой войнѣ выяснилась вторая особенность современнаго национализма: невозможность его удовлетворенія и, слѣдовательно, историческая бесплодность его активности. Говоря это, мы имѣем в виду, конечно, не культурный, а государственный национализм, идеал котораго — совпаденіе границ націи и государства. XIX вѣк приучил нас видѣть в національном единствѣ послѣднее моральное основаніе государства. Государства, не построенныя на началѣ національном, казались устарѣлыми пережитками и даже, в силу одного факта своей многонациональности, непремѣнно деспотіями. Великая правда національнаго лица культуры (соціальное выраженіе христіанской идеи личности), переносимая в политическую сферу, слѣлала из исторіи XIX вѣка непрерывный ряд національных войн и революцій. Об'единеніе Германіи и Италіи были великими историческими удачами национализма. Мы всѣ еще слишком живем в накаленной атмосферѣ этих движеній, чтобы сознавать отчетливо всю относительность их идеи. Поразительно, что на-

национализм был воспринят, как государственная идеология, даже в России, где он, последовательно проводимый, означал бы расчленение империи. Правительства Европы, созданной Вѣнским конгрессом, до середины прошлого вѣка сознавали государственную опасность национализма. В России лишь Александр III сдѣлал его официальной идеологией. Разумѣется, для этого потребовалось осложнить его добавочной, но острой подробностью: насильственным обрусением инородцев, т.-е. около 50% страны. Эта политика в нашем поколѣнии поставила под угрозу самое существование России.

Разрушение Австро-Венгрии и Турции, приведя к «балканизации» Европы, вскрыло огромныя трудности для построения чисто национальных государств. Пестрота этнографической карты, несовпадение ея с географическими и экономическими областями приводят к безнадежным конфликтам. Единственный выход из них, пока найденный, это создание, взамен старых насильственных единств, новых многонациональных государств (Польша, Югославия) с неизбежным революционно-взрывчатым содержанием. Эльзас-Лотарингская проблема показывает невозможность точнаго опредѣленія границ даже таких классически строгих национальных единств, как Германия и Франция. Но Эльзас-Лотарингия — не Балканы. Пока Эльзас будет яблоком раздора, в Европѣ не будет миру. Именно в этой полоскѣ земли и лежал узел, соединившій восточно-европейскій театр войны с западным, т.-е. придавшій войнѣ мировой характер. Поскольку будущая война станет исправлять недоделанное в Версальѣ, ей придется разрушить не только Польшу, Югославію, но и Бельгію, Испанію и, может быть, Швейцарію — навѣрно, и Швейцарію, если она не сумѣет сохранить своего нейтралитета.

Что может привести в отчаяніе политика-националиста, так это неустойчивость и капризность национальнаго сознанія. Оно то расширяется, то сужается на протяжении кратких отрѣзков историческаго времени. Из переливчатой, богатой нюансами карты народностей можно выкраивать и большіе и меньшіе государственно-национальные куски. Сегодня национальное сознаніе стремится к объединенію раздробленных, но близких этнографически и культурно народностей. Завтра хочет разбить

уже сложившіяся национальныя цѣлыя, пользуясь не полным, не до конца завершенным единством. Южные и сѣверные итальянцы, даже нѣмцы, при всѣх своих глубоких антагонизмах, пришли к своему — хотя и не для всѣх вольному — единству. Но хорваты отталкиваются от сербов, каталанцы от испанцев, а малороссы от великороссов. Если в этих прихотливых приливах и отливах национальнаго чувства можно искать какой-либо закономерности, то мы констатируем: в началѣ XIX вѣка национальности стремились к большим, в началѣ XX вѣка — к малым государственным образованиям. Но это явление для нашего времени дѣлает чрезвычайно трудным и опасным удовлетвореніе национальнаго чувства. Ниже известнаго территориальнаго предѣла и экономическая и культурная жизнь государства становится невозможной.

Обращаемся, в-третьих, наконец, к самому содержанию национальнаго сознанія нашего времени. И тут мы усматриваем, по сравненію с началом прошлого вѣка, глубокое вырожденіе. Национальное чувство романтической эпохи было прекрасно и морально глубоко своей укорененностью в почвѣ народной жизни. Оно воскрешало впервые средневѣковую христіанскую культуру и открывало богатую, еще цвѣтущую бытовую и художественную жизнь народа. Национальное чувство той поры было одновременно и народничеством и культурным откровеніем, т.-е. нисхожденіем и восхожденіем вмѣстѣ. С тѣх пор все измѣнилось. «Вѣк пара и электричества» безжалостно разрушил своеобразие народной жизни, унифицировал культурный мир. Смерть романтизма, убыль христіанскаго сознанія подорвали средневѣковыя традиціи. Современное художественное чувство не имѣет ничего общаго с готикой. Национализм нашего времени, обѣдѣвъ духовно, защищает не идеалы, а интересы націй, т.-е. государств, — общіе для всѣх. Творчество народов утратило глубоко национальный (т.-е. обращенный к націи, питающийся націей) характер, — сохранив, конечно, национальныя отгѣнки и манеры. Особенно в мирѣ политики поддержаніе идей националиста — француза, нѣмца, итальянца — почти совпадает. «Законные интересы» націи, воля к власти, культурная гегемонія, создание колониальной имперіи — для всѣх одно и то же. Характерно, что, по мѣрѣ упадка средне-

вѣковых, т.-е. родных традицій — европейскій націонализм повсемѣстно принимает традицію Рима. Французы, нѣмцы и итальянцы, при всей раздѣляющей их пропасти, одинаково сознают себя законными, и при том единственными преемниками Рима. Но Рим никогда не был націей. Покоренным народам он нес не свою, а греческую культуру. Воспитанный на Римѣ націонализм наших дней отрекается от своей собственной природы.

Во всяком національном чувствѣ можно различать отцовское и материнское сознанія — находящія себя, как любовь к отечеству и любовь к родинѣ. Родина, материнство связаны с языком, с пѣсней и сказкой, с народностью и неопредѣлимой, но могущественной жизнью безсознательнаго. Отечество, отцовство — с долгом и правом, с социалью государственной, сознательной жизнью. В соединеніи их было величіе національнаго заданія XIX вѣка. Нынѣ, как и в прошлыя историческія эпохи, отечество и родина расторгают свою связь. Национальное сознаніе становится исключительно рациональным, политическим, экономическим. вмѣстѣ с тѣм оно совпадает, по своему содержанию, с государственным сознаніем вообще, т.-е. утрачивает право на національное имя.

Сказать, что от стараго націонализма уцѣлѣли только комплексы интересов было бы невѣрно. Не интересы, а страсти. Никакой интерес не может быть удовлетворен в современной войнѣ. Но страсть предпочитает свою и общую гибель торжеству противника. Воля к могуществу является болѣе точным именем для содержанія современнаго націонализма.

Национальное чувство часто сравнивают с эротикой. Объектом его является нація, т.-е. женственное начало культуры. Нельзя отрицать, что современный националист любит свою Францію, Германію, Италію. Однако, если продолжить это сравненіе, любовь к націи перестает быть любовью к личности. Страсть к обладанію, не просвѣтленная личным началом, становится чистой сексуальностью. И естественно, что она не убывает, а скорѣе возрастает в силѣ отрицательных аффектов любви: ненасытности обладанія, ревности и ненависти. Современный национальный эрос уже не достоин быть темой трагедіи, в стилѣ Шекспира. Он являет нам сцены каждодневных и пошлых бульварных преступленій «на романической почвѣ».

Лишь малыя націи, только что созданныя или создающіяся, переживают еще медовые годы своей любви. Для великих — исчезающее чувство родины ищет для себя новаго воплощенія. Замѣчательно, что вмѣстѣ с интернационализацией національнаго чувства не утоленная потребность в материнском лонѣ родины направляется по новому руслу: открывает, в границах великой, малыя родины и на них переносит свою любовь. Областничество — очень замѣтное явленіе культурной жизни Запада. Как недавно Париж, казалось, был единственной родиной французских беллетристов, так теперь почти каждый писатель стремится подчеркнуть свой провинциализм. В провинціи набираются вдохновеній, внимательно ловя слѣды уходящей жизни, собирая крупіцы фольклора или совершая иногда, как в Провансѣ, Бретани, если не воскрешеніе, то искусственную реконструкцію стараго языка и быта. В Германіи *Heimatsliteratur* имѣет под собой еще болѣе глубокую почву. Областничество, как правило, свободно от насильственных эмоций. Оно чуждо началу отцовства, которое предоставляется в удѣл большому национализму государства.

Областничество — не только симптом вырожденія великодержавнаго націонализма. Оно — драгоценный намек на возможную эволюцію національнаго сознанія. Национализм должен стать на путь возвращенія: от отечества к родинѣ, к материнскому началу, утраченному вмѣстѣ с иррациональными комплексами культуры.

Что же станет с отечеством? с великодержавными стремленіями націй?

Эти стремленія давно уже не останавливаются в границах — столь трудно опредѣлимых — національнаго государства. Каждое государство-нація мечтает о гегемоніи в болѣе или менѣе широком кругѣ націй — в конечном счетѣ, о мировой гегемоніи. С другой стороны, государство уже перестало быть самодовлѣющим — «автаркійным» организмом. Не парадоксально ли, что в момент настоящаго экономического кризиса, при не утихшей національной злобѣ, государства Европы вынуждены матеріальными жертвами спасать своих врагов: разореніе врага влечет за собою, вслѣдствіе единства хозяйственной системы, их собственный крах. Трудно подыскать болѣе рази-

тельное доказательство невозможности национальных эгоизмов, национальных интересов — того, что составляет единственное содержание государственного национализма. Этот парадокс может означать лишь одно: Европа — вѣриѣ, человечество — стоит на порогѣ мировой имперіи.

Вспоминается Греція пелопонесских войн, средиземно-морской мір, ждущій объединителя: Македонію, Рим. И тогда племенные и городскіе патриотизмы противились чужеземному завоеванію. Но культурное и экономическое единство древняго міра дѣлало процесс политическаго слиянія неизбѣжным. Для поколѣній, изстрадавшихся от нескончаемых войн, римская власть несла «мир» — тот мир, который для измученных и отчаявшихся выше «справедливости». Но римскій мир нес и справедливость: *paх et justitia*. Насильственное объединеніе есть естественный и единственный исход из эпохи великих войн. При всеобщем истощеніи, побѣдитель, кто бы он ни был, становится господином.

В настоящее время Европа, конечно, и не думает о такой перспективѣ. Для этого потрясеніе одной мировой войны явно недостаточно. Но, готовясь к новым войнам, Европа тѣм самым готовится к мировой имперіи. Сейчас не видно на горизонтѣ той силы, которая могла бы реально осуществить притязанія новаго Рима. Только Германія имѣла волю и почти достаточныя силы для этого дѣла. Но Германія надолго выбыла из строя. Россія еще при Александрѣ III могла бы сыграть роль Македоніи: подобно Германіи, она надорвана войной и революціей. Италія имѣет волю, но не силы. Франція — ни воли, ни сил. Мір был бы счастлив, если бы Британія могла дать ему свой свободный закон. Но Британія теряет куски за кусками своей собственной слабѣющей имперіи. Состояніе равновѣсія, в котором оказалась Европа и вмѣстѣ с нею мір, дѣлает, казалось бы, безнадежным возрожденіе империализма (хотя мы стоим в самом началѣ эпохи). И тут приобретают все свое значеніе робкія попытки созданія европейской и всемірной федерации націй. Практически онѣ, конечно, значат немного: тонкая паутина, опутавшая доспѣхи Марса. Сейчас гораздо актуальнѣе космополитизм биржи, который спасает международную солидарность. Но в Женевѣ впервые провозглашается не утопистами,

а государственными людьми Европы ограниченіе национальнаго суверенитета. Принципиальный отказ от войны не может означать ничего другого, как подчиненіе государств иному, высшему суверенитету. Отнынѣ узко национальная политика теряет не только религіозную, моральную, но и просто юридическую почву. Она имѣет под собой достаточную базу и внѣ легальности и внѣ морали: в реальных национальных страстях и в мнимых (но еще сознающихся реальными) интересах. Трудно быть оптимистом в наше время. Возможно, что женевскія идеи должны будут пробивать толщу черепов и кору сердец пушками новых войн. Но ясно уже, что настоящая эпоха указывает лишь три исхода: разрушеніе цивилизаціи, мировую имперію побѣдителя и вращаніе государств-народов в мировое сверхнациональное государство. Разумѣется, только в эту третью сторону могут быть направлены сознательныя усилія моральной и религіозной воли. Организациа мирового хозяйства, мирового права, мировой полиціи безопасности отнимает у націй почти всѣ государственныя атрибуты. Нація сохраняется, как организациа духовно-культурнаго общенія, как малая родина. Под сѣнью мировой цивилизаціи, она возвращается к материнству. Это возвращеніе возможно и неизбѣжно при одной предпосылкѣ — внѣ которой не может быть и рѣчи о социальном спасеніи: при религіозном обновленіи культуры. Из лона безсознательнаго, отплодотвореннаго Логосом, нація продолжает творить все самое глубокое и прекрасное, что дано человеку. Лишь страшное право меча, *jus gladii*, отнимается у нея и возвращается Кесарю.¹⁾

**

Все, сказанное выше из опыта послѣвоенной Европы, лишь в малой степени относится к Россіи. Здѣсь сохраняется во всей своей силѣ своеобразие Россіи, как третьяго культурнаго материка между Европой и Азіей, со своими собственными историческими судьбами.

1. Нельзя говорить об окончательном вырожденіи рус-

¹⁾ Высказанныя выше мысли во многом совпадают с идеями, изложенными в блестящей статьѣ П. Биццлли: «U.S.E.» в 45-ой книжкѣ «Современныхъ Записокъ».

скаго національнаго сознанія, которое еще не выполнило своих культурных заданій. Национальное дѣло романтизма было сорвано в 40-х г.г. побѣдившим западничеством. Лишь перед самой войной мы подошли к основным проблемам познанія Россіи в прошлом ея культуры. Эта нива ждет еще своих работников.

2. Для Россіи было бы опасно вторичное включеніе в «политическій концерт» Европы в момент ея зловѣщей какофоніи и политическаго пробужденія Азіи. Россія должна выдержать нейтралитет в борьбѣ Европы с міром цвѣтных рас, чтобы вступить в членство подлинно мірового союза народов.

3. Россія имѣет еще много неизжитых возможностей для относительной хозяйственной автаркіи.

4. Россія — единственное уцѣлѣвшее «государство національностей» — имѣет перед собой великую задачу: опытнаго построения политическаго общежитія народов. При удачном рѣшеніи національной проблемы в Россіи, ея опыт может быть перенесен на міровое поле.

5. Отказ от войны, самоограниченіе в предѣлах необятных внутренних задач диктуется для Россіи не только высоким идеалом, но и простым чувством самосохраненія.

6. Но русскій традиціонный націонализм должен радикально переродиться, чтобы стать в уровень со сложными задачами вѣка. В своей окаменѣлой данности он представляет одно из самых сильно дѣйствующих средств для разрушенія Россіи.

Г. Федотов.

Пути освобожденія

(Доклад)

Цѣль моего доклада — намѣтить пути борьбы за освобожденіе Россіи. Обычно эта задача ограничивается формулированіем политической программы и тактики. Но я считаю это недостаточным. Наша борьба направлена на сверженіе государственнаго строя, основаннаго на цѣлостной вѣрѣ и цѣлостном міросозерцаніи. Побѣдить в такой борьбѣ одними политическими средствами невозможно. Нужно господствующему міросозерцанію противопоставить свое міросозерцаніе, вѣрѣ, воодушевляющей современных властителей Россіи, противопоставить свою вѣру и человѣку, несущему власть, — новаго человѣка. Только тогда наша политическая борьба станет подлинно освободительной и дѣйственной. Я мог бы доказывать этот тезис логикой и фактами современности. Но я хочу примѣнить другой метод: **показать**, как велась освободительная борьба с самодержавіем — строем, также основанным на цѣлостном міросозерцаніи. И из этого историческаго опыта сдѣлать выводы для современности.

Обычно наша лѣвая общественность опредѣляет русское самодержавіе, как власть тираническую, основанную на насиліи и на угнетеніи народа, и разрушавшую хозяйственную и политическую мощь Россіи. Такое опредѣленіе невѣрно. Монархія умерла на вѣки; былой пафос ненависти к ней теперь неумѣстен — теперь можно и должно говорить о прошлом спокойно. И, если спокойно обратиться к прошлому, достаточно будет перелистать «Очерки по исторіи русской культуры» Милокова, чтобы убѣдиться, насколько русская имперія была жизненной и какой громадный прогресс был осуществлен Россіей за двухсотлѣтній императорскій період. В началѣ императорскаго періода, при Петрѣ, Россія насчитывала 13 милліонов населенія; в началѣ 20-го вѣка — 150 милліонов. Территорія увеличилась в полтора раза. Города поднялись с 3 проц. населенія до 17 проц. Бы-

ли проложены десятки тысяч верст железнодорожных линий. Были созданы отрасли промышленности, которая в мировой иерархии шла непосредственно за Англией, Америкой и Германией. И нельзя сказать, чтобы линия хозяйственного прогресса была ниспадающей. Наоборот — чем ближе к современности, тем хозяйственный подъем резче и определеннее. Царствование Николая II — эпоха развала Империи, — вместе с тем, эпоха наибольшего хозяйственного роста и расцвета. Неправильно было бы сказать и другое: хозяйственное развитие шло вопреки императорской власти или против нея. Это было бы исторической неправдой. Императорская власть долгие годы была двигателем хозяйственного прогресса, шла впереди хозяйственного развития страны. И только про последние десятилетия можно сказать, что хозяйственное развитие переросло государственные формы и не укладывалось в них. Не отвѣчая растущим хозяйственным нуждам страны, государственная власть из двигателя хозяйственного развития становилась его тормазом. При других государственных формах хозяйственное развитие России в последние десятилетия шло бы быстрее. — То же надо сказать про внешнюю государственную мощь. В императорский период Россия была громадной мировой силой. Про царствование Екатерины II Безбородко впоследствии говорил: это было время, когда «ни одна пушка в Европу без позволения нашего выпалить не смѣла». Александр I был «Императором Европы». И Николай I долгие годы управлял ее судьбами. Про Александра III рассказывают анекдот: государь удил рыбу, когда ему доложили, что один европейский посланник хочет его видеть. Александр III отвѣтил: «Европа может подождать, пока русский император удит рыбу». И еще в начале мировой войны Европа трепетала перед русским «катком», который все сметет и раздавит. И здесь надо сказать то же: императорская власть долгие годы была творцом и носителем русской государственной мощи; в последний период, не отвѣчая растущим нуждам страны, она ее ослабляла. — Неправильно и утверждение, что русская императорская власть была властью тиранической и основанной на насилии и угнетении народа. Императорская власть была суровой и нередко жестокой. Но не надо забывать, что императорская Россия вплоть до второй половины 19 века — а, вѣрнее, вплоть до его конца —

была Россией «средневековой». Вся жизнь снизу и доверху была суровой и мрачной. Императорская власть была не более жестокой, чем власть крестьянина в его семье. Под тиранической, основанной на насилии властью мы понимаем другое: власть, ненавистную народу, утверждающую себя против его воли. Но этого не было в императорской России. Было обратное — императорская власть управляла с молчаливого согласия народа, окруженная его любовью и благоговѣнием. Для народа Император оставался тем же, чем был московский царь — помазанником Божиим, его намѣстником на землѣ. Когда читаешь отчеты о заседаниях Екатерининской Комиссии и указы избирателей, поражаешься неподдельному рабскому чувству любви и преданности монарху. Ни тени протеста или требований к власти — только униженные жалобы и просьбы. Когда Екатерина путешествовала по Волге, крестьяне просили генералов ставить перед ней свѣчи. То же и в 19 веке, почти до его конца. Когда Александр I ѣхал по Москве, крестьяне прикладывались к его ногѣ. Перед портретом Александра II во многих избах висѣли лампадки. И даже, когда начались в 1902 году аграрные волнения в Полтавской и Харьковской губерниях, мѣстные крестьяне были увѣрены, что по губернии ѣдит наследник-цесаревич и раздаст земли, и что вокруг него «сияние». Преданность монархии стала разрушаться во время русско-японской войны и первой революции и окончательно исчезла только в Великой войне. — Чем же объяснить бунты и возстания, непрерывавшиеся во весь императорский период? — Исторический анализ этих событий только подтверждает вышесказанное. Конечно, положение народа было тяжкое, и тяжесть положения вызывала недовольство. Но это недовольство никогда не было направлено против самодержавной власти, и в особенности, против ее носителя. Напротив, когда народ возставал, он возставал в защиту законной власти против ее врагов или в защиту подлинного царя против подмѣнного. Государственная идеология возставших и подавлявших возстание была всегда тождественной. Против кого возставали сторонники Пугачева? В чье имя? — Против узурпировавшей императорскую власть Екатерины II — во имя законного императора Петра III. Когда Пушкин, собирая на мѣстах материалы для Пугачевского бунта, стал раз-

спрашивать старика крестьянина, помнит ли он Емельку Пугача. Крестьянин ему ответил: «Для кого Пугач, ваша милость, а для меня царь-батюшка Петр Федорович». Законный император, Петр Федорович уничтожит дворян и помещиков, ибо они враги его и его верных крестьян. Но освобождая крестьян от помещиков, он жалуется им «быть верноподанными рабами собственной нашей короны». Ни тени умаления самодержавной власти — ни тени прав для верноподанных рабов. — Тот же характер имело возмущение Декабристов. Для нашей левой общественности, декабрьское возмущение — начало открытой борьбы русского народа с самодержавием. Но это историческая иллюзия. На самом деле было иное. Несколько сот гвардейских офицеров, увлеченных свободолюбивыми идеями Запада, охваченных воспоминаниями о греческой и римской республиканской доблести, решились сделать попытку захватить власть, чтобы установить в России свободный государственный строй. Ни народ, ни армия не слышали об этом и намека. Чтобы увлечь за собой народ и армию, заговорщики воспользовались междуцарствием. Никто не знал точно, кто законный царь: Константин, которому уже присягали, или Николай, которому надо снова присягать. На святости присяги и построена была вся стратегия заговора. «Ура, Константин!» — кричали выведенные заговорщиками на Сенатскую площадь гвардейские полки. «Ура, Николай!» — кричали полки, выведенные для подавления возмущения. Два царя, две присяги — трагедия верности царю и присяге, и ни тени протеста и возмущения против власти: вот что такое в глазах русского народа декабрьское возмущение. — И, наконец, последний, самый убедительный пример — уже во второй половине 19 века. Народники-революционеры идут в народ, чтобы поднять его против самодержавной власти. Народ видит в них врагов царя — дворян, вставших на царя за крестьянское освобождение; и выдает их власти. И только один раз народники имеют успех — в Чигиринском деле — когда, отчаявшись поднять народ на царя, они зовут его встать за царя — против его врагов и бунтовщиков — дворян. На этот раз успех был громадный: сотни крестьян вступили в дружины и готовы были к возмущению. Но это они делали во имя царя и по его «указу». — Какие из всего этого должны быть сделаны выводы? Империя ширилась,

хозяйственно крепла, имела большой международный престиж, опиралась на любовь и преданность народа и... тем не менее, рассыпалась в прах. Почему? — Потому что «сознание разошлось с бытием». Потому что душа народа ушла от нею. — Чтобы понять это, надо взглянуть в подлинный лик империи. Империя напоминает многие церкви Западной Европы: фронтон и купол — ренессанса; алтари — барокко; живопись — современная. Несомненно, церковь — Нового времени. Но это только первое обманчивое впечатление. Взглянувшись, вы видите иное: план церкви — крестовый, устои — столбы и стлны — готические, своды — стрельчатые. Церковь — средневековая, только внешне окрашенная Новым временем. То же и Российская Империя. Фронтон и верхние украшения — западные: двор, армия, высшие классы, столицы, города и помещичьи усадьбы. Но весь план строения, устои и покрытия — все старо-московское, восточное. Во главе Империи — самодержавный царь, в глазах народа — подобие Бога на земле. Под ним тяглые классы. Все здание построено на «крепости». Нет ни тени личных прав и свободы. «Освобождение» высших сословий — дворянского и городского — мало меняет облик здания. Оно коснулось ничтожной группы людей и, сняв с них тягло, не сделало их свободными. Городское сословие остается униженным и «подлым». Дворянское становится «благородным», но на деле больше напоминает римских вольно-отпущенных рабов, чем свободных западных аристократов. «Не говоря о других учреждениях — писал Сперанский — что такое само русское дворянство, когда личность всякого дворянина, его собственность, его честь, все, наконец, зависит не от закона, но только от воли абсолютного властителя?» «Я желал бы, чтобы кто-нибудь показал мне, какая есть разница между отношениями крепостных к их господам и отношением дворян к верховной власти. Разве последняя не имеет над дворянами той же самой власти, как дворяне над крепостными? И так вместо этой пышной классификации русского народа на различные сословия, на дворян, купцов, мещан, я нахожу в России только два сословия: это — рабы верховной власти и рабы землевладельцев. Первые свободны только относительно последних; в действительности, в России нет свободных людей, кроме нищих и философов». Та-

кова императорская Россія вплоть до освободительных реформ второй половины 19 вѣка. Величественное и цѣльное, несмотря на разностильность, зданіе, но ~~холодное~~ и мрачное. Только с освободительных реформ начинается подлинная европеизация Россіи. Европейская культура медленно спускается в низы народа. И, все-таки, почти до конца 19 вѣка план и устой зданія мало поддаются перестройкѣ. Императорская Россія остается полукрѣпостной и тяглою.

В царствованіе Екатерины, в эпоху величайшаго расцвѣта императорской Россіи, случилось событіе, почти незамѣтное по внѣшности, но опредѣлившее конечныя судьбы Имперіи. В Европу — Лейпциг — была послана группа молодых дворян учиться западной наукѣ. В группѣ были талантливые и открытые истиннѣ люди — Ушаков и Радищев. Ушаков умер за-границей. Радищев вернулся в Россію, зажженный идеями западнаго Просвѣщенія — права, личности и свободы. И все, в блестящей Россійской Имперіи, показалось ему ненавистным и мрачным — императорское самовластіе, крѣпостное право, нищета и униженіе народа. «Душа моя страданіями человѣчества уязвлена стала». И зажженная свѣтом новой Истины душа Радищева ушла от Имперіи. Отблеском этого свѣта и была его знаменитая книга «Путешествіе из Петербурга в Москву». Книга Радищева произвела на Екатерину громадное впечатлѣніе. Она была умной женщиной и поняла истинные размѣры происшествія. «Говорено о книгѣ Путешествіе от Петербурга до Москвы — записывает в своем дневникѣ бесѣду с Екатериной ея секретарь Храповицкій — тут разсѣяніе французской заразы: отвращеніе от начальства; автор Мартинист... он бунтовщик хуже Пугачева». И Екатерина была права: Радищев был опаснѣе для Имперіи, чѣм Пугачев. Пугачев поднял бунт «безсмысленный и безпошадный» и потому бесплодный; Радищев положил начало освободительному движенію, закончившемуся взрывом Имперіи: его книга — первая трещина в грандіозном зданіи императорской Россіи. С Радищева освободительное движеніе ширится неупредержимо. Душа от души, точно свѣча от свѣчи, зажигается свѣтом новой истины и уходит от Имперіи. Сначала это одинокія души, бродящія в грандіозной Имперіи, как в пустынь. Потом они сходятся в небольшія группки, кружки и, наконец, объединя-

ются в духовный орден русской интеллигенціи, наружно незримый и даже тайно не оформленный. По внѣшнему виду в Имперіи ничего не мѣняется. Рыцари ордена ведут мирный образ жизни, как будто ничѣм не отличный от окружающаго; только немногіе и не всегда самые доблестные становятся заговорщиками и революціонерами. В громадном большинствѣ, члены ордена — люди высших классов, почти без исключенія — военные и чиновники. И, тѣм не менѣе, перемѣна громадная: в тѣлѣ Имперіи родилось новое чужеродное ей тѣло; в теократическом крѣпостном царствѣ созданъ духовный круг свободы. Поразительно преобразующее вліяніе зараженной новой истиной души орденаго челоуѣка. Вглядитесь в портреты русских интеллигентов первой половины 19 вѣка. Перед вами люди с породистыми дворянскими лицами, одѣтые в офицерскіе или чиновничьи мундиры — родные братья тѣх, на которых стоит Имперія. И, вмѣстѣ с тѣм, это — новые люди, совсѣм не похожіе на своих братьев: тонкія, одухотворенныя лица, свѣтящіеся, часто грустно-задумчивыя глаза, поэтическая слегка небрежная прическа. И вокруг них тоже все мѣняется — рождается новая любовь, новая семья, новыя отношенія к крѣпостным и службѣ, новая мораль, наука и литература. Императорскій крѣпостной строй таит там, гдѣ появляются эти люди. И Имперія чувствует прозящую ей опасность и ведет с ними безпошадную борьбу. Но борьба эта почти безнадежна. Каждый новый удар Имперіи по Ордену — новая побѣда Ордена. Скользя свободное выраженіе слова, Имперія подымает творческое духовное напряженіе на такую высоту, которая при иных условіях была бы невозможной. Преслѣдуя орденаских людей, она создает из них героев и мучеников. Отправляя их в изгнаніе, она разносит духовную заразу по странѣ. Посылая на висѣлицу, наносит себѣ непоправимые удары: 5 повѣщенных декабристов растапливают лед Имперіи так, как этого не могли бы сдѣлать тысячи оставленных на свободѣ заговорщиков. В царствованіе Николая I, когда вся Имперія представляла собою «гранитный лагерь», когда всякое свободное дыханіе безпошадно пресѣкалось, организація Ордена была уже закончена, и побѣда предопредѣлена: всѣ духовныя высоты русскаго образованнаго общества были Орденом заняты, всѣ живыя талантливыя люди были в его рядах. Для

полной побѣды оставался послѣдній подвиг: увести от Имперіи души людей из народа. На это ушли три послѣднія царствованія. К началу Великой войны подвиг окончен: души уведены. Грандіозная Имперія обездушена. Это — сухой покров, изнутри пустой. При первом столкновеніи он рассыпался в прах.

В чем непобѣдимая сила Ордена? Как могло быть взорвано грандіозное зданіе Имперіи? Наше представленіе об Орденѣ неправильно. Мы знали его в эпоху, когда — внѣшне побѣдоносный — он уже духовно увял. Неудачная побѣда бросила на него черную тѣнь. В нашем представленіи, Орден — политическая организація, с крайней программой и крайними методами борьбы. Орденская идеологія — революціонная, анархическая и бунтарская. Нѣтъ ничего неправильнаго такого представленія. Конечно, люди Ордена насыщены пафосом политической борьбы. Конечно, политическія программы играют большую роль в их идеологіи. Но политическій пафос — только часть цѣлостной вѣры. И политическія программы — только общественное выраженіе цѣлостнаго міросозерцанія. Неправильно и представленіе о крайности политическаго идеала Ордена. В Орденѣ были разныя политическія теченія — крайнія и умѣренныя. Славянофилы были монархистами и консерваторами. Западники, в большинствѣ, — умѣренными либералами. Бѣлинскій — глава Ордена — был одно время сторонником самодержавія. И Герцен писал, обращаясь к Александру II: «Ты побѣдил, Галилеянин!» Сила Ордена — не в политическом пафосѣ и не в крайностях политической программы и политической борьбы. Сила Ордена в том, что души его рыцарей горят огнем цѣлостной вѣры, озарены свѣтом цѣлостнаго ученія. Орденскій человек жаждет понять и обнять весь мір, и каждый его жизненный шаг освѣщен всѣм его міропониманіем. Политическая борьба — только одна из видов жертвенной борьбы за преображеніе міра. Политическій идеал — только часть новой преображенной жизни. Вот почему так неотразимо вліяніе Ордена на живыя души людей. Вот почему так сокрушительна его борьба с Имперіей. Все его міропониманіе противоположно имперскому. Вся его вѣра — иного духа. И весь он противостоит Имперіи. И Имперія это безошибочно чувствует. Так же, как Орден, она знает, что, как всякій государственнй строй, так и она стоит на душах людей; и

что когда души уйдут, она падет. Вот почему так отчаянно она борется с орденом за людскія души. Вот почему так безпощадно преслѣдует она всѣ орденскія теченія, какого бы направленія они ни были: умѣренныя и крайнія, политическія и философскія. Славянофилы-монархисты так же ненавистны ей, как либералы-западники; и непротивленец злу Лев Толстой так же страшен, как революціонер Бакунин. Имперія и Орден стоят друг против друга, как непримиримые враги.

Всѣ орденскія теченія міросозерцательны и цѣлостны. Во всѣх теченіях политическая идеологія — только часть цѣлостнаго жизнепониманія. Это можно показать на любом орденском теченіи. Я приведу два — славянофильское и народническое.

Славянофильское ученіе таково. Наши органы чувств воспринимают внѣшность явленій; разум — их связь. Сущность міра познается только цѣлостным духом — мистической интуиціей — вѣрой. Единичное познаніе всегда неполно и ошибочно. Подлинное познаніе истины доступно коллективному сознанію — соборности — Церкви. Познанная истина есть Бог. Ученіе о Богѣ — Православіе. Православное ученіе — единственное подлинное вселенское христіанство. Католичество и вытекающее из него протестанство — откол от Вселенской Церкви — ересь. Русскій народ воплотил в своей жизни полноту и чистоту вселенскаго христіанства. Потому в основѣ его жизни свобода, любовь и мир. Европа построила свою жизнь на началах католической — отошедшей от Вселенской — церкви. Потому в основѣ ея жизни насиліе, вражда и раздвоеніе. Русскій народ основал свое государство на добровольном призваніи власти и жил соборною жизнью — свободными общинами; общины объединялись в областныя міры; міры собирались на общенародное вѣче — Земскій Собор. Народу принадлежала свобода жизни и мнѣнія — царь брал на себя грѣх власти. На союзѣ любви между народом и царем и построено было государство. На тѣх же христіанских началах была построена и хозяйственная жизнь. Не было частной собственности на землю. Земля принадлежала общинѣ и распредѣлялась равномерно между ея членами. Торговля и ремесло велись на артельных началах. Таковы основанія русской жизни. — Европа построила свое государство на завоеваніи — насиліи побѣдителей над побѣжден-

ными. Отсюда раздѣленіе народа на сословія, и вражда сословій между собою. Чтобы примирить сословія — установленіе договорнаго начала, авторитет внѣшней правды — закона и права. Основанное на насиліи и договорѣ европейское государство неизбежно развивалось переворотами и революціями. То же и в хозяйственной жизни. Европейское хозяйство построено на частной собственности и на власти капитала. Как слѣдствіе этого — анархія и коммунизм. Таковы европейскія начала. — Петръ произвел переворот в русской жизни, разбил ея цѣлостность, привил ей европейскую культуру. Отсюда раздвоеніе русской жизни и омертвѣніе ея. Верхи пошли по путям Запада и оторвались от низов. Но подлинныя начала русской жизни на низах сохранились. Надо, чтобы к ним вернулись и верхи. Вернулись не для того, чтобы возстановить старую жизнь, но для того, чтобы создать новую — на началах христіанской вѣры. Христіанскія начала — свобода, любовь и соборность — должны быть положены в основу всей жизни русскаго народа. Тогда русскій народ станет примѣром для других народов и поведет их за собой. «Русскій народ не есть народ: это человѣчество». — Славянофилы построили законченную политическую и социальную программу. Но эта программа была только частью цѣлостнаго ученія, охватывавшаго весь міръ. Они приняли консервативныя лозунги Имперіи: самодержавіе, православіе и народность. Но они овѣяли их новым духом и положили в основу их новыя начала: свободу, соборность и вселенскость. Противники Запада, они взяли у него лучшее, что создала западная гуманистическая культура: личность, дух свободы и жажду социальной справедливости. Таково славянофильское ученіе.

Народническое ученіе. Наши чувства воспринимают внѣшнія качества явленій. Подлинную сущность явленій — их причинную связь — мы познаем разумом. Возможности познанія разума безграничны. Мы не знаем начала міра, ибо разум до этого еще не дошел. Но это и не существенно. Ибо смысл бытія не в началѣ міра, а в его развитіи и в вершинѣ этого развитія — человѣчествѣ. Закон развитія міра — прогресс: движеніе вперед от низшаго к высшему. Міръ неудержимо идет вперед от звѣздных туманностей к солнечной системѣ и земной планетѣ, от зарожденія жизни на землѣ через іерархію растительнаго и

животнаго міра к человѣку, от варварских форм первобытной культуры к высшим формам человѣческой цивилизации. Там на вершинах цивилизации человѣчество построит царство свободы, справедливости и счастья. Европа, прошедшая весь путь прогресса, близка к этому идеалу. Но этот путь тяжкій. И борьба за конечный идеал — совершенную свободу и социализм — требует жертв. Россія не прошла всего пути человѣческаго прогресса. Она юна и только в началѣ пути. Но перед ней опыт Европы — должна-ли она повторить весь европейскій крестный путь восхожденія? И помимо этого: в основѣ русской жизни начала, близкія к конечному идеалу Запада: община и артель. Русскій народ, построившій свою жизнь на этих началах, смутно сознает ту правду, к которой стремится передовая Европа. Россія должна понять свое особое положеніе в мірѣ и своими особыми путями, первой — впереди других народов — взойти на вершину идеала. Этот подвиг должна взять на себя интеллигенція — духовная аристократія русскаго народа, выросшая на его страданіях. Она должна создать цѣлостное ученіе, освѣщающее свѣтом разума пути міра и человѣчества, загорѣться вѣрой в правду этого ученія и идти в народ, чтобы жертвенно слиться с ним и передать ему свѣтъ истины. Тогда русскій народ выполнит свое великое назначеніе в человѣчествѣ и скажет міру новое слово. — Народники, как и славянофилы, создали законченную политическую и социальную программу. Но, как и славянофилы, они включили ее в цѣлостное ученіе о мірѣ. Как и славянофилы, они боролись с Имперіей за политическое и социальное освобожденіе Россіи. Но, как и для славянофилов, эта борьба была для них только частью борьбы за преображеніе всей жизни, не только Россіи, но и человѣчества. В отличіе от славянофилов, народники были республиканцами и социалистами. Но в основу своего ученія они положили тѣ же начала, что и славянофилы — свободу, братство и всечеловѣчность. Таково народническое ученіе.

С эпохи Великих реформ начинается новый період в жизни Ордена. Міросозерцательныя ученія выработаны, души орденских людей горят огнем пламенной вѣры, рыцари-монахи жаждут жертвы и подвига. Орден идет в крестовый поход в народ: уводит души простых людей от Имперіи — взрывать ее осно-

вы. Под «хождением в народ» мы обычно понимаем поход народников-революционеров в 70-х годах в народные массы для поднятия вооруженного восстания. Но такое понимание ограничено и неверно. Вся жизнь Ордена с эпохи Великих реформ и до Великой войны — крестовый поход в народ. Отряд за отрядом и поколѣние за поколѣнием идут монахи-воины в народные низы — подымать народные массы на Имперію. Но, при этом, только немногие передовые отряды ведут против Имперіи вооруженную борьбу и организуют народные массы на восстание. Основные кадры идут в народ для мирной работы просвѣщенія. Орден знает, что побѣдить Имперію, пока она опирается на народные массы, невозможно. И что подымать народные массы на восстание, не уведя души людей, безцѣльно. Вот почему, посылая свои передовые отряды на революціонную борьбу с властью, свси основные кадры Орден отдает на мирную работу просвѣщенія народа — увода душ. Но увести души людей голой проповѣдью Ученія невозможно. Ученіе без дѣл мертво. Нужно жить с народом его жизнью, страдать его страданіями и, помогая ему в его ежедневной борьбѣ за существованіе, передать ему свѣт истины. Тогда народ поймет правду Ученія и пойдет за Орденom. Потому крестовый поход Ордена в народ — грандіозный подвиг культурнаго строительства. Вся народная культура послѣдняго пятидесятилѣтія — его твореніе: школа, книга, медицина, агрономія и кооперація. Творя народную культуру, организуя народ в хозяйственныя об'единенія, Орден уводит за собой души. И дѣйствительно: результаты его мирной работы в народѣ для Имперіи смертельны. Класс за классом, русскій народ уходит от Имперіи и становится на сторону Ордена. Еще в первую половину 19 вѣка в Орден ушли лучшие люди из дворянства. То, что осталось, было мертво. Во второй половинѣ 19 вѣка то же происходит с купечеством: живые и талантливые уходят в Орден. Еще дѣды были коренными имперскими людьми; еще отцы крѣпко держались за традиціи. А уже дѣти становятся в ряды Ордена; или, оставаясь в сословіи, наполняют его орденским духом. Этим в значительной мѣрѣ, объясняется то, что в Россіи так и не образовался класс буржуазіи. Буржуазное сознание и орденскій дух несовмѣстимы. В послѣднее десятилѣтіе 19 вѣка начинается завоеваніе Орденom городского

рабочаго класса. Завоеваніе проходит бурно и стремительно. Орден бросил в рабочій класс свои лучшія силы; городская культура подготовила городских рабочих к легкому воспріятію орденскаго ученія. 9 января 1905 года послѣднія монархическія чувства в душах рабочих были разстрѣляны... В русско-японскую войну и в первую революцію происходит революціонизированіе крестьянства. Крестьянство десятилѣтія ждало от Имперіи царской милости — земельного передѣла. Потеряв вѣру в Имперію, оно отдало душу Ордену. Так класс за классом, русскій народ переходит от Имперіи к Ордену. К началу Великой войны переход закончен: за Имперіей уже не стоит ни один класс. Неудачи войны уводят от нея послѣднія одинокія души. Вот почему, когда вспыхнула революція, для сверженія монархіи не понадобилось ни вооруженной борьбы, ни крови. Имперія не оказала никакого сопротивленія: ни один человек не встал на ея защиту. В грандіозной Имперіи носитель самой могущественной власти на землѣ — русскій Император чувствует себя одиноким, как в пустынѣ. «Кругом измѣна и трусость, и позор», — записывает он в своем дневникѣ 2 марта 1917 года. Вѣковая борьба между Имперіей и Орденom кончена. Имперія побѣждена. — Имперія пала не потому, что она разоряла страну и разрушала ея государственную мощь; и не потому, что она насилывала народ. Она пала потому, что народное сознание разошлось с имперским бытіем; потому, что душа народа ушла от нея. В паденіи Имперіи политическая и вооруженная борьба сыграла свою роль. Но это — роль ограниченная и подчиненная. В основѣ великой борьбы между Имперіей и Орденom — борьба духа. Побѣдил Орден, ибо он увел за собою души. Таковы уроки исторіи.

Показанія прошлаго обязательны для пониманія настоящаго и предвидѣнія будущаго. Нельзя Имперію сравнивать с совѣтским строем и нельзя Орден считать обязательной формой организации сил для борьбы за новое освобожденіе Россіи. Но, все-таки историческій анализ борьбы между Имперіей и Орденom должен многому нас научить и удержать от многих ошибочных шагов и оцѣнок. Неправильно наше обычное представленіе о большевицкой власти, как о власти небольшой группы злых и корыстных людей, опирающихся на голую силу и ра-

зоряющих хозяйственную и государственную мощь России. Большевики — могущественная секта, обладающая цѣлостным міропониманіем и фанатически вѣрующая в правду своего ученія. Большевицкая власть — новая жетекратія или, если хотите, «сатанократія». Когда большевики в 1917 году захватили государственную власть, они опирались на широкое сочувствіе народных масс. При выборах в Учредительное собраніе они получили 25 проц. голосов. В самом Учредительном собраніи, вмѣстѣ с лѣвыми С. Р., мало от них отличными, они насчитывали больше трети депутатов. Но и остальные народныя массы, голосовавшія за социалистическія партіи с. р. и с. д., были заражены большевицким духом. Кто имѣл общеніе с массами в годы революціи, сомнѣваться в этом не может. Надо имѣть мужество признать, что весь русскій народ в 1917-18 году был охвачен революціонным безуміем. — Неправильно также думать, что теперь, когда революціонная буря стихла, большевики потеряли всякіе корни в народѣ. Большевики—блудные сыны Ордена и отлично знают, что власть может держаться только на душах людей. Поэтому 12 лѣт своей власти они употребили больше всего на воспитаніе душ. Все молодое поколѣніе—застигнутые юными революціей и родившіеся в совѣтском строѣ — воспитаны большевиками: от люльки —октябрин-крестин — через совѣтскую школу и до вхожденія в жизнь. Даже тѣ, которые ненавидят совѣтскую власть, насквозь пропитаны ея духом — в быту, привычках и воззрѣніях: на Бога, мораль, семью и любовь. Вглядитесь в лица молодых совѣтских граждан, вчитайтесь в совѣтскую художественную литературу — и то, и другое не обманывает — и вы убѣдитесь, что это так. Но сила совѣтской власти не только в том, что половина русскаго народа — болѣе молодая, и потому болѣе живая и сильная — получила большевицкое воспитаніе. Не будем себя обманывать. Совѣтская власть держится не только на людях, потерявших совѣсть, и на наемниках. Она опирается на миллионныя кадры дисциплинированных и слѣпо вѣрящих в правду своего ученія людей — старых и юных: партійцев, комсомольцев и піонеров. На этих устоях стоит совѣтскій строй, и, пока эти устои крѣпки, совѣтская власть несокрушима. Мы утѣшаем себя: дисциплина в большевицких рядах падает, вѣра

гаснет, ученіе превращается в мертвую догму. Все это так. Но это процесс медленный и вовсе не обязательно ведущій к гибели строя. Для сверженія могущественной большевицкой власти нужны духовно противостоящія ей большія и дѣйствительныя силы. — И, наконец, послѣднее: невѣрно, что большевицкая власть систематически разрушает хозяйственную мощь России. Дѣйствительно, в годы революціи, гражданской войны и военного коммунизма русское народное хозяйство было разрушено до основанія. Но в послѣднее десятилѣтіе оно начинает медленно возстановливаться. Процесс возстановленія идет неровно: в годы нэпа он шел быстрѣе, в послѣдніе годы как будто остановился в главной отрасли народнаго хозяйства — земледѣліи. Но общая тенденція процесса безспорна. И это неувидительно. Русское народное хозяйство примитивно и пластично. Его основа — поверхностная вспашка необятной русской равнины. Все остальное — легкая надстройка. Русскій народ жаждет хозяйственнаго устроенія. При любом строѣ эта жажда дала бы громаднй хозяйственный подъем. При большевицкой власти она дает медленное возстановленіе народнаго хозяйства, втиснутого в уродливыя совѣтскія формы. Если это послѣднее положеніе недоказуемо, благодаря невозможности провѣрки совѣтских статистических данных и потому оспариваемо, то вот что безспорно: 1. Россія, даже разоренная, достаточно богата, чтобы обезпечить матеріальное существованіе совѣтской власти и ея аппарата; 2. разореніе страны не есть гарантія неизбѣжности паденія власти: революцію дѣлает хозяйственно крѣпкій и сытый народ — нищій и голодный народ легче умирает, чѣм борется. — Какіе отсюда должны быть сдѣланы выводы? — Большевики — могущественная и фанатическая секта, вынесенная к власти народной стихіей и укрѣпившая свою власть на душах людей; хозяйственное развитіе само по себѣ не ведет к ея паденію. Потому, в основѣ своей, невѣрны воззрѣнія антибольшевицких теченій на задачи борьбы с совѣтской властью и вырабатываемые на основѣ этих воззрѣній тактическіе методы. Неправы тѣ теченія, которыя разсчитывают на эволюцію власти и страны — на побѣду жизни над догмой. Если власть эволюціонирует, то только в одну сторону: болѣе цѣльнаго раскрытія ученія и болѣе полнаго прове-

денія ученія в жизнь. И, если эволюционирует страна, то только в направленіи болѣе совершеннаго охвата всѣхъ сторонъ жизни совѣтской системой. Догма, воодушевляющая секту фанатиковъ, держащихъ в своихъ рукахъ власть надъ великой страной, оказывается сильнѣе обездушенной жизни. Потому тактика, рассчитанная на эволюцію строя и побѣду жизни, фатально обречена на бездѣйствіе и безплодіе. Дѣйствены, но еще болѣе безплодны, если не вредны, тѣ теченія, которыя строятъ свою тактику на «активизмѣ» — революціонной борьбѣ с властью. Власть, опирающаяся на могущественныя кадры воодушевленныхъ вѣрою в свое ученіе людей, они хотятъ взорвать бомбами. Народъ, молодое поколѣніе котораго вылѣплено по образу и подобию власти, они рассчитываютъ поднять противъ власти на вооруженную борьбу. И тѣ, и другія теченія — и сторонники эволюціи, и активисты — по существу своему, матеріалистичны: они рассчитываютъ на матеріальныя (по преимуществу, хозяйственныя) сдвиги жизни и матеріальныя (по преимуществу, вооруженныя) формы борьбы; они не учитываютъ силы идей, хотя бы и фанатически извращенныхъ; они не знаютъ цѣны духа, хотя бы и злого. Правильная тактика борьбы должна быть иной: она не должна рассчитывать на естественныя сдвиги жизни, она должна быть напряженно дѣйственной и не должна отказываться ни от какихъ формъ борьбы: даже вооруженныхъ. Но в основѣ своей она должна быть борьбой за души. Надо духовно взорвать тѣ устои, на которыхъ держится совѣтское зданіе: милліоны душъ, вѣрующихъ в святость коммунистическаго ученія. Надо измѣнить сознаніе молодого поколѣнія — его воззрѣнія на Бога, правду и совѣсть, семью и любовь. Надо очистить душу народа от соблазна, еще таящагося в ней; соблазна «нашей» трудовой власти, соблазна «нашего» совѣтскаго царства. Иначе говоря, надо увести от совѣтской власти души людей. Только та власть, которая не опирается на души, колеблется от революціонныхъ ударовъ. Только обездушенный строй рушится от народныхъ возстаній. Какъ увести души людей от власти? Какъ измѣнить сознаніе народа? — Уроки прошлаго должны помочь найти отвѣтъ. Наивно думать, что политическая платформа, даже самая разумная и правильная, можетъ увести души вѣрующихъ в цѣлостное ученіе людей. Неправильно предпола-

гать, что изображеніе ужасовъ насилія и голода можетъ измѣнить сознаніе народа и отвратить его от власти. Политика — только часть міросозерцанія, зажигающаго души совѣтскихъ людей огнемъ вѣры. И развѣ можно строить «царство труда и народнаго счастья» безъ жертвъ и страданій? Надо искать иныхъ путей къ душамъ людей: надо господствующему міросозерцанію противопоставить свое міросозерцаніе, вѣрѣ, воодушевляющей современныхъ властителей Россіи, противопоставить свою вѣру и человѣку, несущему власть — новаго человѣка. Надо возстановить Орден — Орденъ воиновъ-монаховъ, пламенно вѣрующихъ в правду Ученія и готовыхъ на жертвы и подвигъ для освобожденія Россіи. И надо, чтобы новые рыцари, какъ ихъ отцы и дѣды, шли в народъ — жить его жизнью, страдать его страданіями и, освѣщая души людей свѣтомъ Истины, уводить ихъ за собой от власти. Тогда наступитъ день, когда устои, на которыхъ стоитъ власть, падутъ, строй обездушится, и народъ, руководимый Орденемъ, встанетъ противъ власти на борьбу. Это путь длинный, но зато единственно ведущій къ цѣли. И это путь тяжкій — требующій громаднаго под'ема духа и великой жертвенности. Но можетъ ли быть иначе? Можно ли взять могущественную твердыню большевицкой власти безъ длительной подготовки и не идя на большія жертвы? И развѣ совершается что-либо великое в исторіи безъ послѣдняго напряженія человѣческихъ силъ и воли? — Должна ли в начинающейся борьбѣ за освобожденіе Россіи принять участіе эмиграція? Можетъ ли? — Должна и можетъ. Эмиграція — живая часть русскаго народа; и судьбы ихъ неразрывны. Строители Ордена в Россіи имѣютъ передъ нами громадное преимущество: связь съ землей и народомъ. Зато намъ дано неоцѣнимое благо — свобода. Этой свободой мы и должны воспользоваться, чтобы сдѣлать ту работу, которая в Россіи невыполнима: созданіе духовныхъ цѣнностей — выработка цѣлостнаго міросозерцанія. Говоря о міросозерцаніи, я не думаю, что оно будетъ единымъ. В новомъ Орденѣ, какъ и в старомъ, будутъ различныя міросозерцательныя теченія; но всѣ они будутъ иного духа, чѣмъ господствующее, и всѣ будутъ противостоять ему. Такъ же, говоря о цѣлостномъ міросозерцаніи, я не предполагаю, что оно будетъ монистичнымъ: выводить все ученіе о мірѣ изъ одного начала. Политическія и социальныя программы

должны быть трезвыми и практичными — определяться конкретными велѣніями жизни, а не отвлеченными началами идеала. И, все таки, только тѣ программы дѣйственны, на которыя падает свѣтъ цѣлостнаго пониманія міра; и только тѣ программы способны поднять людей на подвиги и жертву, которыя согрѣты огнем цѣлостной вѣры. И еще одно можем и должны мы сдѣлать: итти в народ — эмигрантскій народ. Эмигрантскія политическія организациі безжизненны и худосочны, ибо не связаны с народными массами. А эмигрантскія массы распылены и безпризорны. Надо итти в эмигрантскій народ, чтобы организовать его экономически и культурно. И надо поднять его на большую духовную высоту, которая обязательна для него, если он хочет быть передовым отрядом в борьбѣ за освобожденіе Россіи. Тогда духовное вліяніе обязательно передастся из эмиграціи и на родину. И эмиграція станет центром притяженія для всѣх освободительных теченій в Россіи. А, когда чаша духовных сил эмиграціи переполнится, тогда лучшіе из нея перейдут границы: чтобы итти в родную землю — уводить души. — Долог-ли путь? Когда будем у цѣли? — На это я могу отвѣтить только так, как отвѣтил Сократ путнику: иди. Путь определяется не только длиною разстоянія, но и скоростью движенія.

И. Буваков.

Душа социализма

Соль — добрая (вещь); но ежели соль не солонна будет, чѣм ее поправить? Имѣйте в себѣ соль.

(Мр. IX, 50).

I

Жизнь народов находится сейчас под знаком социализма. Его багровая звѣзда стоит на историческом небѣ, как грозное знаменіе, суд или пророчество, но во всяком случаѣ, как нѣкая историческая дѣйствительность. Можно его хотѣть или не хотѣть, призывать или устрашаться, видѣть или от него закрываться, но от него некуда уйти, он есть нѣкая судьба, если еще не для нас, то для будущаго поколѣнія.¹⁾ Он стоит перед нами, как загадка Сфинкса, готоваго пожрать ея не разгадавших. И если перед всѣм міром он предстоит как угроза или, по крайней мѣрѣ, кризис, то в отношеніи к Церкви он содержит вопрошаніе о своем религіозном смыслѣ или цѣнности: проклятіе или благословеніе на нем, принадлежит ли он к *civitas Dei*, или *civitas diabolica*,²⁾ к Вавилону, повергаемому ангелом (Апок. XVII-XVIII), или к граду Божьему, сходящему с неба? Ибо церковь отвѣтственна о жизни своего человѣчества и не должна остаться безучастной к его духовным нуждам. Отвѣты Церкви не даются как догматическій оракул, они рождаются в исканіях и бореніях тревожной мысли и мятущейся совѣсти, как вѣяніе духа Божьего в человѣческих сердцах: ищите и обрящите (Мѣ. VII, 7), сказано и о соборности церковной. На вѣчно зеленѣющем древѣ Церкви исторія дает новые побѣги в обновляющемся творчествѣ жизни, которое отвергается в учени

¹⁾ Понятіе социализма берется тут в самом широком смыслѣ, как стихійно совершающаяся коллективизація хозяйства и стандартизація жизни, тот ея коммунизм, который наступает уже в нѣдрах централизованнаго капиталистическаго хозяйства, но затѣм частично или сразу разрывает его индивидуалистическую оболочку. В своей схемѣ «концентраціи», несмотря на всѣ ея односторонности и преувеличенія, К. Маркс проявил дѣйствительную историческую проницательность.

²⁾ Ср. мон «Два града» I-II. Москва. 1909.

и преданіи церковном. Так и нынѣ сознание поставлено пред фактом, который является религиозно-догматической проблемой для Церкви. Еще доселѣ она осторожно обходится и как бы не замѣчается во всем своеобразіи, оставаясь в области личной этики или аскетики, так и издревле ставились социальные вопросы в церковном сознании. Как этическая проблема, социализм в наших глазах не представляет какой-либо трудности, скорѣе он — еще издревле — является как бы естественным постулатом социальной этики христианства:³⁾ труд должен ограждаться от несправедливой эксплуатации, достойно вознаграждаться от своих плодов, а не являться жертвой насилия капитала. В послѣднее время церковные дѣятели (в разных исповѣданіях) вообще пытаются справиться с социализмом через пріятіе его по мотивам христианской филантропіи (разнаго вида «христианскій социализм» наших дней), иногда прямо примыкая к чуждым христианству политическим партіям (социал-демократіи и др., однако не дѣлая попытки догматически обнять вопрос в цѣлом.⁴⁾ С социализмом, как нѣким основным и обобщающим фактом в исторіи человечества, как своеобразной духовной установкой, слѣдует считаться, стоя на твердой догматической, а не только этической почвѣ, — в жизненной связи с Церковью, но однако не упрощая вопроса. И подобно тому, как в исторіи вѣроучительных опредѣленій, выражавших извѣстное достиженіе, всякому новому шагу вперед в догматическом сознании Церкви всегда предшествовало болѣе или менѣе продолжительное, вѣковое догматическое броженіе около спорнаго вопроса, так и в отношеніи к социализму мы находимся еще в состояніи броженія, исканія, личных мнѣній («ересей»). Нельзя об этом не думать или умалчивать, но и преждевременно личные домыслы почитать общецерковным до-

³⁾ При коренной ломкѣ всего міровоззрѣнія («от марксизма к идеализму» и, далѣе, к православію) у меня не было однако основанія в этом смыслѣ отрицаться социализма (конечно, не доктринальнаго), как общаго религиозно-этического постулата социальной политики. Ср. «Православіе и социализм» (Путь, 1929).

⁴⁾ Есть, наконец, в настоящее время попытка пріятія социализма, как нѣкоего непосредственнаго божественнаго факта («скайрос»), откровеніе Бога в исторіи, хотя, повидному, при этом повторяется своеобразное фактоклонство с утратой той христианской жемчужины, ради которой должны быть отданы всѣ сокровища міра. Ср. Ф. Степун. Религиозный социализм и христианство. «Путь», № 29, август 1931.

стиженіем, необходимо только провѣрять их согласіе с духом Церкви, приводя в связь со всѣм церковным преданіем. Однако нельзя не признать и того, что церковно-догматическое обсужденіе социализма и социального вопроса, и в особенности в православіи,⁵⁾ находится еще в самом началѣ.

Социализм не есть только социально-экономическое движеніе, хотя в нем он и имѣет свое непосредственное выраженіе. Он есть и міровоззрѣніе или, точнѣе, жизнечувствіе, в котором проявляются разныя стороны человеческого существа. Можно сказать, что социализм имѣет не только свое историческое тѣло, но и душу, и дух, и в этом смыслѣ он получает для своих adeptов значеніе суррогата религіи, как нѣкоего цѣлостнаго, не только теоретическаго, но и практическаго міровоззрѣнія. Тѣло социализма для всѣх видимо, это — социальный вопрос наших дней: индустриализм, банкократія, классовыя противорѣчія, промышленные и финансовые кризисы, безработица, социалистическія партіи, коммунизм с диктатурой пролетариата, — всѣ эти подземные удары и землетрясенія, непрестанно угрожающіе прочности стараго міра и частично его уже разрушающіе. Вызывающее мотто Лассалля: *pequeo si superos Acheronta movebo*, уже стало дѣйствительностью, как и гнѣвныя пророчества Карлейля о скованном Энкеладѣ вмѣстѣ с мстительным провидѣніем Маркса о «диктатурѣ» пролетариата и его же зловѣщим: «экспроприрующих экспроприруют». Тѣло социализма подобно многообразному, измѣнчивому Протею. Если вчера еще он имѣл нелегальное, подпольное существованіе, то сегодня он стал принудительной, иногда даже господствующей дѣйствительностью, прежде всего, на нашей родинѣ. Но и все человечество нынѣ в большей или меньшей степени облачается в социалистическія одежды, становится социалистическим муравейником, и как будто не видится силы остановить его распространеніе. Экономисты могут по разному расцѣнивать предѣлы и неизбѣжность социализма, однако вовсе отрицать его, как

⁵⁾ Обновленчество в Россіи изъявило на это притязаніе, но цѣнность его уничтожается сервилитическим, неискренним к нему отношеніем, которое поэтому не пошло далѣе льстивых восхвалений совѣтских достижений. В православной (стихоновской) церкви разных группировок одинаково отсутствует доселѣ такое догматическое броженіе, по крайней мѣрѣ, пріятное.

характерное явление жизни, уже невозможно. Речь может идти разве только о разных пропорциях, в которых выражается влияние в социализированной жизни факторов несоциалистических. Те, которые теперь приходят в мир, застают его в стадии надвигающегося социализма. Понятый только как вопрос о богатых и бедных, социализм всегда существовал в истории человечества, будучи однако исторически мало замѣтным и не определяющим фактом. Теперь он стал фактом не только внешней, но и внутренней жизни, ибо социализм имеет и свою собственную душу, притом совершенно языческую, и дух, досель определенно богоборческий. Остановимся сначала на духе социализма.

Она определяется особой антропологией, ему свойственной. В этом учении о человеке являются характерными две черты: социологизм и экономизм. В основе обоих лежит некоторый жизненный опыт или зрѣние, нарочито доступное нашему времени. Социологизм исходит из родового характера человеческого существа. Человек всегда знал себя как родовое существо, и еще в Ветхом Заветѣ мы встречаемся с персонификацией родовых «совокупностей»: Израиль, Амалик, Ассур, Исмаил и проч., или звери Даниилова апокалипсиса, повторяющиеся и в Апокалипсисѣ новозавѣтном. Теперь эти звери непримѣтно преобразились в группы или классы, абстрактные миры социологии. Современные социальные телескопы и микроскопы, которыми владеет статистика и вообще социальная наука, воочию показывают реальность и самозакононость социального тѣла, хотя они досель не умѣют познавать таковую же реальность личности, которая теряется в социальном цѣлом и даже отрицается во имя его. Таким образом утрачивается вѣра в человеческую личность и ее реальность, т.-е. именно то, что составляет первую и основную данность для религии. Однако об этом далѣе.

Вторая черта, **экономизм**, есть общее признаніе зависимости человеческой личности от природы, причем эта зависимость и осуществляется и преодолевается трудом, создающим цѣнности или богатства, а в них и с ними и всю человеческую культуру. Экономизм имеет свое предѣльное выражение в марксизмѣ с его так называемым «экономическим материализмом», который правильнѣе однако называть **материалистическим** эконо-

низмом, — в противоположность духовному (или даже спиритуалистическому). Им и вообще насыщена наша эпоха: развитие экономических знаний, с их особой, условной и односторонней стилизацией жизни, экономическое направление в исторической наукѣ, в прессѣ, общественности. «Мир, как хозяйство», и человек, как хозяин, — таково основное зрѣние этой антропологии.⁶⁾ Этот экономизм обычно сознает себя как материалистический и вмѣстѣ даже зоологический. Хозяйственная борьба понимается в нем как частичный случай общей борьбы за существование, ведущейся во всем животном мирѣ, и этот социальный дарвинизм еще восполняется грубо материалистическим пониманіем (вѣрнѣе, непониманіем) хозяйственного процесса. При этом не замѣчается, что хозяйство есть не только рабство человека стихіям, но и непрестанное откровение о человеческом духѣ, торжество и откровение человечности.

В хозяйственном отношеніи к миру дивным образом открывается и величіе призванія человека, и глубина его ладения. Оно есть **дѣйственное** отношеніе к миру, в котором человек овладевает природой, ее очеловѣчивая, дѣлая ее своим периферическим тѣлом. Человек есть микрокосм, как логос мира и его душа. В хозяйствѣ, как трудѣ, осуществляется полнота дѣйственности человека не только как физического работника («серп и молот»), как это суживается в материалистическом экономизмѣ, но и как разумной воли в мирѣ. Научное естествознание и техника раскрывают перед человеком мир, как безграничныя возможности. Глухая и косная безформенная матерія дѣлается прозрачна и духовна, становится человеческим чувствилищем и как бы отѣлеснивается. Этим выявляется космизм человека, его господственное призваніе в мирѣ. В хозяйствѣ же наглядно свидѣтельствуется и внешне ограждается и единство человеческого рода, ибо труд человека, как хозяйственного дѣятеля («трансцендентальный субъект хозяйства»), слагается во едино, продолжается непрерывно, интегрируется в историю. В хозяйствѣ мир дематериализуется, становится совокупностью духовных энергий. Поэтому, между прочим, изжива-

⁶⁾ Хозяйство, как онтологическую проблему, я сдѣлал предметом изслѣдованія в книгѣ «Философія хозяйства» I. Мир как хозяйство. Москва. 1911.

ние материалистического экономизма само собой совершается на пути дальнѣйшаго хозяйственнаго же развитія, которое все болѣе сокращает область матеріи, превращая ее в человѣческія энергіи; мір становится мірочеловѣком. Однако в хозяйственном отношеніи к міру выражается и паденіе человѣка, которому свойственна смертная жизнь, и хозяйство становится трудом в потѣ лица для поддержанія жизни в непрестанной борьбѣ со смертью. Зависимость человѣка от хозяйства есть плѣн смерти, сама эта смерть. Хозяйство есть рабство смерти, и потому оно подневольно, корыстно, и к нему относится правда марксизма, который есть нѣмотствующій философскій пересказ II главы Бытія (о судѣ Божіем над человѣком). Однако и в паденіи человѣк сохраняет свою софійную природу, и его хозяйственная жизнь отмѣчена не одной корыстью, но и творчески-художественным призваніем человѣка, служеніем идеалу и, как все человѣческое, стремленіем себя перерастаи. И этот творческій мірообъемлющій размах хозяйства присущ нашей эпохѣ, когда мір становится человѣческим дѣлом. Философы много истолковывали мір, пора его передѣлать, — мір дан не для поглядѣнья, все трудовое, ничего дарового, — так почти одновременно в разных концах Европы и на разных путях выразили одну и ту же мысль два философа хозяйства — К. Маркс и Н. Э. Федоров. Этот колоссальный всемірно-историческій факт — хозяйственнаго покоренія, очеловѣчиванія и в этом смыслѣ преобразования (хотя еще и не преображенія) міра—уже обозначился, хотя пока и не совершился в исторіи. Он стоит и перед нашим религиозным сознанием, требуя для себя духовнаго уразумѣнія, догмата... о хозяйствѣ. Это послѣднее до сих пор знает для себя только языческіе догматы эпикуризма: всякое умноженіе потребностей есть благо, стремленіе к богатству и себялюбіе есть единственный критерій в хозяйственной жизни и т. п. Такова нехитрая мораль экономическаго эмпиризма. Недалеко от этого безпринципнаго эмпиризма ушла и та мудрость, которою располагало в отношеніи к хозяйству и церковное сознание. Для личнаго поведенія оно располагало извѣстным запасом аскетических идей, опирающихся на твердых Евангельских основаніях и духовных традиціях. Отношеніе к богатству здѣсь только отрицательное, как к похоти пло-

ти, в которой проявляется сила грѣха и смѣрти. Этим вводится в хозяйственную жизнь аскетическій корректив, провѣряющій пред судом совѣсти каждый хозяйственный акт. Однако он является недостаточным. Согласно Библии, труд есть и сам по себѣ религиозный долг человѣка, причем обстановка труда не есть дѣло личнаго самоопредѣленія, поскольку хозяйственная жизнь есть процесс общественный. В извѣстном смыслѣ хозяйственное поприще с различными его возможностями есть род судьбы для человѣка, а судьба эта состоит и в том, что из отдѣльных хозяйственных актов — гетерогеніей цѣлей, — создается цѣлый хозяйственный космос, в котором мы живем. И в отношеніи этой судьбы и этого космоса личная аскетика не имѣет никаких руководящих идей, относится к ним только эмпирически, как к факту. А это принципиальное незамѣчаніе приводит к практическому приспособленію, т.-е. внутренней и внѣшней секуляризаціи жизни. Монастырь, который духовно утверждает на аскетическом отверженіи міра и нестяжательности, усваивает для своих хозяйственных нужд всѣ завоеванія техники и хозяйственнаго оборота, как нѣчто само собою разумѣющееся, ибо «деньги не пахнут». Принципиально Церковь освящает «всякую вещь», которую приносит мір из своей сокровищницы, однако послѣдняя давно уже вышла из-под ея наблюденія. Можно сказать, что не бывало еще эпохи в исторіи, когда хозяйственная жизнь была бы, в такой степени обміршена, предоставлена своей стихіи, как теперешняя. В языческом мірѣ, так же, как в христіанском средневѣковѣ, не было такой секуляризаціи хозяйства, как теперь у христіанских народов (да и сейчас жизнь у нехристіанских народов — в Индіи, Китаѣ, Японіи, Турціи и др. является религиозно насыщеннѣе, чѣм у христіанских). Эта секуляризація и получила теперь для себя идеологическое выраженіе в материалистическом экономизмѣ, который содержит в себѣ нѣкую правду относительно хозяйственной жизни нашего времени, ибо она протекает дѣйствительно без Бога, не перед лицом Божіим. Поэтому борьба с этим материализмом не может оставаться лишь апологетической, показующей его скудость и противорѣчивость, но и положительной, показующей христіанскій смысл совершающагося и возвращающей хозяйственной стихіи ея церковный смысл. Между

тѣм до сих пор господствующим отношеніем к хозяйству является практически-безпринципное пріятіе того, что идеологически разсматривается покуда лишь как «чудеса антихриста».

Куда же ведет нас хозяйственное развитие, имѣет ли и хозяйство о себѣ пророчество, каким хочет быть о нем социализм? Не есть ли это послѣднее и всеобщее всемірно-историческое искушеніе, от котораго слѣдует спастись избранным в пропастях и разсѣлинах земных, если таковыя еще останутся? Суждено ли христіанам им искушаться, его не признавая, или же оно нужно, ибо через него лежит неизбѣжный путь исторіи к за-историческому, эсхатологическому свершенію? До сих пор исторія и эсхатологія, временное свершеніе и конец его, разрываются между собой и противопоставляются, так, что между ними практически отрицается всякая связь: одно должно прекратиться, чтобы началось другое, как *deus ex machina*. И в этом эсхатологическом трансцендентизмѣ гаснут всѣ земные огни и уничтожаются всѣ земныя цѣнности, — остаются только личные заслуги и грѣхи, с их потусторонними эквивалентами в видѣ награды и наказанія, принимаемых каждой отдѣльной личностью, без мысли об общем человѣческом дѣлѣ в исторіи. Из этого историческаго и социологическаго нигилизма в эсхатологіи вытекает и соотвѣтственный нигилизм в исторіи. Однако исторія в ея внутреннем апокалипсисѣ уже есть эсхатологія, совершающаяся во времени, и Второе пришествіе Господа, дня и часа котораго никто не знает, кромѣ Отца Небеснаго, в смыслѣ трансцендентном, имѣет для себя историческіе времена и сроки имманентнаго созрѣванія, и в этой исторической эсхатологіи должно быть отведено мѣсто и хозяйству с его достижениями. Во всяком случаѣ перед нами встает этот вопрос: должен ли быть труд человѣка под солнцем включен в вѣчность, открываемую эсхатологіей, или же из нея изгнан? Если да, то как и в каком смыслѣ? Если же нѣтъ, то почему? (ибо пока это не показано).

Исторія есть самоопредѣленіе и самооткровеніе человѣка — во Христѣ и против Христа (ибо антропологія есть и христологія, как и наоборот). Но сама жизнь человѣка не существует внѣ его хозяйственнаго творчества, которое постольку лежит в путях Божіих. Естественно, если в эту нарочитую эпоху

экономизма встают вопросы эсхатологіи хозяйства, притом на обоих противоположных полюсах человѣческой мысли — христіанской и антихристіанской, богоборной. Можно назвать два имени, которыя обозначают собой оба эти религіозныя устремленія и в этом смыслѣ являются знаменіем эпохи с обоими ея путями: к Вавилону и к Граду Божію. Имена эти: К. Маркс и Н. Э. Федоров.⁷⁾

В Марксѣ с особенной силой проявился дух антихристіанскаго богоборства, который однако соединяется с подлинным социальным паэосом и устремленностью к будущему. В нем было нѣчто от той расплавленности духа еврейских пророков, — однако в безбожій, — которая покоряет сердца. Он понял человѣка, как демиурга, который, преображая мір, экономическій и социальный, преодолевает грани исторіи (*Vorgeschichte*) и совершает трансценз («прыжок») в эсхатологію (*Geschichte*). Он транспонирует на безбожный язык своего материалистическаго экономизма древнія пророчества о горѣ Божіей и мессіанском царствѣ. Но, конечно, для безбожія нѣтъ и не может быть эсхатологіи, которая именно и состоит во встрѣчѣ Бога с міром, в явленіи Лица Божія всему творенію, и, конечно, его обезбоженная эсхатологія («*Geschichte*») есть и величайшая пустота. *Vorgeschichte* (т.-е. исторія) с своим драматизмом и содержательностью, конечно, превосходит эту грядущую пустоту, которая по прежнему остается областью смерти и временности. (В этом смыслѣ Маркс вмѣстѣ с другими безбожными прогрессистами должен быть отнесен к числу «смертобожников» по выраженію теперешних федоровцев). Н. Э. Федоров своим «проектом» преображенія міра и побѣды над смертью путем «регуляціи природы» сдѣлал впервые попытку религіозно осмыслить хозяйство, дав ему мѣсто и в эсхатологіи. Человѣк и для него есть демиург, строитель космоса, но в то же время он есть и сын человѣческой, родовое существо, имѣющее отцов, живущее во всечеловѣческом «братотвореніи». Исполняя волю Божію, он становится и сыном Божіим, дѣлая дѣло Христово в мірѣ, объявляя войну послѣднему врагу — смерти и своими

⁷⁾ Ср. о них: «К. Маркс как религіозный тип». («Два града» и отдѣльно) и «Загадочный мыслитель» (там же), а также соотвѣтственныя главы в «Свѣтѣ Невечернем» (Москва, 1917).

силами осуществляя воскресение отцов. Царство будущего века совершается человечеством в регуляции природы, история становится эсхатологией. Ни у кого из мыслителей, современных Федорову и ему лично близких (Достоевский, Вл. Соловьев, Л. Толстой, Фет, Вл. А. Кожевников и мн. др.), при всем их личном к нему почитании, не нашлось решимости сказать его «проекту» прямого да, как нет ее и у наших современных мыслителей (за исключением Петерсона и некоторых молодых федоровцев), но и — что не менее замечательно — никто из них не решился сказать и прямого нет. Остается признать, что не пришло еще время для жизненного опознания этой мысли, — пророку дано упреждать свое время. Но в этом «учитель и учитель» совершилось «движение христианской мысли» (Вл. Соловьев), в нем впервые спросило себя христианское сознание о том, о чем спрашивает эпоха, и что говорит Бог в откровении истории. Федоров понял «регуляцию природы», как общее дело человеческого рода, сынов человеческих, призванных стать сынами Божиими, как совершение судеб Божиих. Тем самым он пролагает путь и к положительному преодолению эгоизма материалистического, своеобразно примыкая к хозяйству основные догматы христианства. Материалистический эгоизм преодолит христианская мысль. Церковь и теперь спасает отдельные души от духовной смерти в нем, но она будет сильна жизненно преодолеть его, лишь когда явит свою истину об эгоизме и тем устранил почву для клеветы и искажений. Но это должно стать не личным мнением, а делом Церкви, которая есть столп и утверждение истины, ибо врата адавы не одолжат ее.

Прот. С. Булгаков.

Парадоксы свободы в социальной жизни

Во всем мире идет сейчас спор о свободе. Оригинальность этого спора в том, что защитниками свободы являются предшествующая, уже стареющая поколения, врагами же свободы являются поколения молодых. Это своеобразное явление, как и все происходящее в эмпирическом мире, не должно нас слишком смущать, ибо никакая ценность в существе своем не зависит от процессов времени и от смены эпох и поколений. Быть подавленным такой зависимостью означает рабство духа. Если я признаю свободу великой ценностью и благом, то мое отношение к ней несколько не изменится от того, что в течение ряда столетий длинный ряд поколений будет ненавидеть свободу. Вопрос нужно ставить и обсуждать по существу, независимо от господствующих мнений. И когда вы его так поставите, по возможности отрешившись от страстей, то станет ясно, что вопрос о свободе необычайно сложен именно в применении к социальной жизни, что свобода есть сплошной парадокс и полна противоречий. Нельзя говорить о свободе отвлеченно. Свобода имеет свою внутреннюю диалектику и свой рок, она легко себя отрицает, прикрывает насилие и переходит в свою противоположность. Свобода требует самоограничения во имя свободы же. Прикрывшиеся свободой могут нести с собой рабство. Не следует слишком верить на слово людям, слишком большое придавать значение условным символам. И тогда многое мы по иному увидим. Старые защитники свободы в большинстве случаев не так возражают молодым ненавистникам свободы, как следует возражать.

Свободу не любят и отрицают многие современные направления — коммунисты, фашисты, немецкие национал-социалисты, некоторые евразийцы. Э. А. Степун в прекрасной статье во втором номере «Утверждений» пишет о новом молодом человеке, одержимом лютой ненавистью к свободе, и своеобразно защи-

щает свободу против этого молодого человека. Но действительно ли ненавидит свободу этот молодой человек? Думаю, что для себя этот молодой человек очень любит свободу, требует ее в максимальной степени и дает себя полную волю, дает ее не только себе, но и своим. И весь вопрос заключается не столько в том, чтобы привить этому молодому человеку отвращенную любовь к свободе, сколько в том, чтобы насколько ограничить его свободу. Невозможно терпеть, чтобы он пользовался такой безграничной свободой. Он дает слишком большую волю своим рукам, от этого страдают окружающие люди. Свобода его движений должна быть ослаблена. Иногда нужно связать такого молодого человека, если он проявляет слишком уж большую свободу, если он безчинствует. Коммунисты, фашисты, гитлеровцы и пр. отлично признают свободу для себя и чувствуют себя вполне свободно, но только отрицают свободу для других. Все тираны мира признавали и утверждали свободу для себя, но отрицали ее для других. Они были слишком свободны, они в тиранстве разряжали энергию своей свободы. То же самое происходит и с классами. Если аристократия бывала враждебна свободе, то это не значит, что она не любила и не хотела свободы для себя, наоборот, в этом отношении она была очень свободолюбива. Но она отрицала свободу для других классов, для народа, для третьего сословия. Буржуазия тоже очень любит свободу для себя. Она не сознает уже себя сословием, признает универсальное значение за своим классом и потому часто искренне принимает любовь к свободе для себя за любовь к свободе вообще, к свободе для всего человечества. Но в действительности она отрицает свободу для рабочего класса и всякое движение с его стороны склонна считать нарушением свободы. В обществе капиталистическом свобода стала прикрытием интересов буржуазных классов. Но и рабочий класс в час своего торжества поймет свободу так же эгоцентрически, как и другие классы, с той разницей, что он будет представителем огромной массы человечества. Так и с восточными повстанцами. Католики, угнетенные в православном русском царстве, оказывались защитниками свободы совести, которую они отрицали в государствах католических. Православные борются за свободу в безбожном коммунистическом государстве,

хотя в прошлом советам не имели такой любви к религиозной свободе. Наконец, каждый обыватель, если он чувствует себя недурно и удовлетворен существующим положением, склонен считать свободой сохранение того положения и того строя жизни, который обеспечивает ему благоденствие. Принуждением же и насилием он склонен считать всякое изменение в своем положении, которое делает его менее благоприятным. В своем понимании свободы и в своем отношении к свободе человек бывает очень эгоцентричен. По одному он мыслит свободу для себя, по другому свободу для других. По одному мыслит целый класс свободу для себя, по другому свободу для других классов.

Есть еще огромная разница между свободой формальной и бессодержательной и свободой материальной, между свободой, обращенной к истине, и свободой, равнодушной к истине. До чего различно бывает понимание свободы, можно иллюстрировать на следующем примере. Приходится иногда слышать, что молодые люди, приезжающие из Советской России во Францию, находят, что во Франции нет настоящей свободы, они задыхаются от этого отсутствия свободы, которую они ощущали в России. Это может показаться совершенно неправдоподобным и непонятным. Франция страна свободы. Каждого оставляют в покое, дают возможность дышать, поворачиваться направо и налево, как угодно думать, что угодно писать, что угодно печатать, никому не грозит безпричинного ареста, у каждого есть совершенная свобода передвижения, свобода выбора жилища и пр. и пр. Коммунистическое государство должно было бы представляться совершенным застенком по сравнению со свободолюбивой Францией. И тем не менее я понимаю причину таких странных суждений. Тут слово свобода употребляется в совершенно разных смыслах. Советская свобода, пленяющая молодежь, советам не есть свобода выбора, свобода восторгов, мирозерцаний, партий, движений в ту или другую сторону, выбора квартир и т. п. Советская свобода есть возможность социально, коллективно реализовать свою энергию в строительстве новой жизни, в переустройстве мира. При французской свободе очень трудно передумать мир, хотя можно как угодно устроить свою личную судьбу. При советской свободе можно легко передумать мир, лепить из него, как из глины, какие

угодно фигуры, хотя в своей личной жизни вы лишены всякой свободы и не можете свободно повернуться. Коммунистическое понимание свободы есть понимание свободы, как реализации коллективной строительной энергии в определенном направлении, при определенном знании, что есть истина. Свобода же выбора между разными истинами представляется безволием и безсилением. Коммунизм радикально отрицает формальную свободу, не связанную ни с какой истиной, свободу положенную в основании европейских демократий. Но беда в том, что материальная истина, с которой коммунизм связывает свою свободу («повинайте марксистскую истину и она освободит вас»), есть истина насильническая, истребляющая дух, который есть свобода.

Если мы действительно хотим бороться за свободу, как высшую ценность и благо, то мы должны внести целый ряд коррективов в обычное словоупотребление. Кого мы должны назвать человеком, любящим свободу, свободу в реальном смысле слова? Свободу действительно любит и защищает не тот, кто любит свободу для себя и для своих и требует ее для себя и для своих, а тот, кто любит свободу для другого и для других. Любит свободу мысли совсем не тот, кто утверждает ее для себя,—такими были и все инквизиторы,—а тот, кто утверждает ее для других, для инакомыслящих. Уважает свободу совести не тот, кто утверждает ее для своего исповедания, а тот, кто утверждает ее для других исповеданий. И это совсем не означает равнодушия к Истине, ибо в самую Истину входит любовь и уважение к свободе каждого человека. Подлинная идея свободы не соединима с эгоцентризмом. Любовь к свободе не есть прежде всего право, а есть прежде всего обязанность. Она не позволяет давать слишком большой воли своим рукам, не позволяет делать, чего моя нога хочет, не позволяет насиловать мыслящих иначе, чем я. Любовь к свободе требует ограничения своей свободы. Но она также требует ограничения свободы тех, кто признает свободу исключительно для себя и для своих, для своего класса, для своего направления, своего вероисповедания. Это совсем не значит, что истинная любовь к свободе есть любовь к свободе формальной. Формальная свобода, равнодушная к истине слишком часто прикрывает реальное рабство. Это мы сплошь и рядом видим в жизни эконо-

номической. Формальная свобода, связанная с либеральной идеологией, есть свобода отвлеченная, безучастная к ближнему, в конце концов декламационно-риторическая. Либерализм совсем почти скомпрометировал идею свободы, с которой он связан словесно. Любовь к свободе другого и других, к свободе мысли и вере другого и других есть любовь не к формальной, а к материальной свободе, есть любовь к человечности человеческих отношений, любовь к духу, который есть свобода. В жизни социально-экономической любовь к свободе другого, а не только к собственной свободе, превращается в любовь к трудящимся, к реальной возможности осуществления для них свободы. Любовь к свободе не отделима от любви к человеку, любви к ближнему. Любовь к идее может вести к равнодушию, безжалостности и даже ненависти к человеку. Это есть любовь к дальнему, а не к ближнему. Коммунисты любят совсем не рабочего, а идею рабочего класса. Современный молодой человек, ненавидящий свободу, обыкновенно любит какую-нибудь идею и страстно ею увлечен. Но во имя этой идеи он готов насиловать, истязать и убивать человека. При этом совершенно все равно, какая это будет идея, — расовая или классовая, — он признает за собой безграничную свободу движений в осуществлении этой идеи. И весь вопрос в том, как ограничить слишком большую свободу его движений, будь он коммунист, фашист, расист, католик, православный, материалист или кто угодно.

Парадокс свободы целиком распространяется и на демократию. Сторонников демократии считают защитниками свободы против посягательств на нее со стороны противников демократии. Но это не так просто. Прежде всего в демократии есть два разных принципа, противоречащих и противоборствующих друг другу. Один из этих принципов есть принцип демократии в точном смысле слова — народовластие, народного суверенитета. Он сам по себе неблагоприятен свободе личности и может вести к якобинской тирании и крайнему этатизму. Другой принцип есть принцип субъективных прав личности, прав на свободу, на которые не должен посягать сам суверенный народ, — которые неотъемлемы. Он благоприятен для свободы, но он может пониматься совершенно формально и превратиться в совершен-

но отвлеченную декларацию прав гражданина. Эта отвлеченная декларация прав гражданина не дает никакой реальной свободы трудящимся классам, которым предоставляются формальные политические права, но не предоставляется никакой возможности через них реализовать экономическое право на жизнь, на труд и на продукт своего труда. Таким образом демократия, провозглашающая принцип свободы, реально может быть защищающей, охраняющей свободу для одних классов и лишаящей свободы другие классы. Реальная социальная свобода людей не достигается формальной декларацией прав гражданина, она связана с реальной возможностью воспользоваться свободой. Но свободой невозможно воспользоваться в нашем эмпирическом мире, не имея экономических орудий для поддержания своей жизни. Поэтому в жизни экономической свобода есть двусмысленный принцип, она легко прикрывает интересы экономически привилегированных классов. Это один из парадоксов свободы в социальной жизни. Когда сейчас противопоставляют демократов, как защитников свободы, коммунистам и фашистам, то не так просто стать на ту или другую сторону. Демократические защитники свободы сплошь и рядом бывают защитниками буржуазно-капиталистического строя, который лишает реальной свободы огромные народные массы. В коммунизм есть критическая правда. Отсюда мы должны сделать еще один вывод, связанный с парадоксами свободы. Как уже было сказано, по настоящему любит свободу и защищает ее тот, кто любит свободу для другого и для других, а не для себя только и для своих. Но эту истину нужно углубить и развернуть. По настоящему любит свободу и защищает ее тот, кто хочет дать другому и другим реальную возможность воспользоваться свободой и осуществить ее в жизни. Нельзя кричать «да здравствует свобода» перед человеком, лишенным хлеба насущного. Мало отвлеченно и формально утверждать свободу и права других людей, всех людей, надо дать людям материальную возможность быть максимально свободными. В этом отношении правда на стороне социальной демократии против либеральной демократии.

Свобода связана с любовью. Любовь есть истина, наполняющая свободу. Любовь к свободе нужно связать с любовью к человеку. Любовь к человеку, к живому существу не может

ограничиться провозглашением отвлеченных и формальных прав человека, хотя бы в результате этих прав ему оставалось лишь умереть с голоду. В спорте либералов и демократов с коммунистами и фашистами обе стороны не правы или обе имеют лишь частичную правду. Необходимо ограничить слишком большую свободу движений тех, которые любят свободу для себя и своих и ненавидят ее для других. Необходимо также ограничить в социальной жизни отвлеченную и формальную свободу, провозглашенную теми, которые заранее знают, что могут ею воспользоваться, во имя свободы тех, которые наверняка ею воспользоваться не могут. И ограничивать свободу важно всегда во имя любви к свободе же, реальной свободе, и любви к человеку, в отношении к которому свобода только и существует и имеет ценность. Это предполагает не формальную, а реальную декларацию прав человека, взятого в его целостности, как существа духовного и существа материального. И это предполагает неразрывную связь прав с обязанностями. Свобода есть всегда не только право, но и обязанность, обязанность относительно другого. Право другого есть моя обязанность. И у меня есть обязанность не только по отношению к свободе духа, к свободе совести и мысли другого, но и по отношению к его жизни, к возможности для него поддерживать достойное существование человека. Поэтому, если я люблю свободу и для себя и для другого, я не могу принять строя, который создает безработицу, — ужас наших дней при существовании богатств. Такой строй осужден и проклят не только социально, но и нравственно и религиозно.

Поэтому мы должны провозгласить третий принцип в борьбе западного либерального капитализма и русского насильнического коммунизма или борьбе западной демократии и западного фашизма — принцип реальной свободы, неотрывной от обязанностей, принцип реальной свободы для всего человечества и для всех трудящихся, свободы, связанной с любовью. Мир идет к трудовому обществу и нужно стремиться сделать трудовое общество максимально свободным. Это неосуществимо без духовного перерождения людей. Мы должны выработать новую идеологию, ибо старые социалистические идеологии обветшали. Старый мир рухнет и разлагается в своих первоосновах.

Только слѣпые и глухіе, поработанные или своими интересами или своими аффектами, могут не видѣть, что разлагается и міръ капитализма и старыя формы буржуазной демократіи. Но в моменты великих міровых кризисов вопрос духовный, вопрос духовнаго устроения человѣка дѣлается основным вопросом человѣческих обществ. Спасти свободу нельзя, предоставив погибать огромной массѣ человѣчества. Ее начнут проклинать. Свобода не может сохраниться для какого-нибудь привилегированнаго класса или для одной культурной элиты. Вопрос о свободѣ есть вопрос о дальнѣйшем достойном существованіи человѣчества. Недостойно существованіе человѣка без свободы, но невозможно его существованіе без хлѣба. Нельзя свободу ставить в зависимость от хлѣба и продать ее за хлѣб, как у Великаго Инквизитора Достоевскаго, но нельзя свободу противополгать хлѣбу и отдѣлять от хлѣба. «Свобода» есть великій символ творящаго духа, «хлѣб» же есть великій символ самой жизни. «Хлѣб наш насущный даждь нам днесь» — значит: дай нам жизнь. Проблема социальнаго устроения предполагает политическія средства, но она есть прежде всего проблема духовная и хозяйственная. Спор о свободѣ включен в давящія схемы, из которых нужно его вырвать. Необходимо перевести его на новыя категоріи мысли. Необходимо перестать мыслить свободу эгоцентрически, лично и классово эгоцентрически, и перестать мыслить ее формально и отвлеченно. Свобода есть величайшій парадокс человѣческой жизни. И она имѣет свою неотвратимую диалектику, которая обнаруживается и в жизни духовной и в жизни социальной. Она связана с самым существом жизни, жизненнаго процесса, с реальной судьбой людей. И только в этой связи раскрывается ея священный смысл.

Николай Бердяев.

Пятилѣтка и школьная политика совѣтской власти

Сейчас давно уже стала очевидной бессмысленность чисто количественной оцѣнки пятилѣтки. На 30, на 40 или на 60 процентов осуществится план индустриализаціи Совѣтскаго Союза? Даже иностранцы, не могущіе отрѣшиться от своего колониальнаго взгляда на Россію и потому в своих оцѣнках совѣтской дѣйствительности игнорирующіе совершенно русскій народ, начинают понимать, что техника не есть хозяйство, и что техническое величіе пятилѣтки только заостряет ея хозяйственно противорѣчивую сущность. Спору нѣтъ: с помощью принудительнаго туземнаго труда и хорошо оплачиваемых иностранных инженеров можно построить гигантскія техническія сооружения. Но созданныя из бетона и стали, они смогут противостать времени, лишь непрерывно обновляясь в работѣ. Консервація будет означать их гибель. Длительно же работать — даже в коммунистическом обществѣ — они смогут лишь тогда, когда будут рентабельными, т.-е. будут удовлетворять потребностям параллельно с ними возрастающаго рынка. Между тѣм вся пятилѣтка построена на уменьшеніи покупательной силы населенія, на опустыниваніи рынка, рост котораго единственно и мог бы придать гигантам современной техники хозяйственную, а тѣм самым и вещественную устойчивость. Заставить нищаго русскаго крестьянина «инвестировать» в строительство индустрии 30, а то и всѣ 50 процентов своего дохода, — это не значит только количественно преувеличивать возможный темп хозяйственнаго развитія страны. Это значит поставить себѣ безумную задачу построить благосостояніе населенія на его голодѣ.

Что подлинное существо пятилѣтки не заключается в строительствѣ хозяйства (почему задача ея и не так уже безумна), что пятилѣтка на самом дѣлѣ есть лишь новое орудіе для осуществленія все той же неизмѣнной цѣли — всемірной револю-

ции, — это нынѣ становится все болѣе очевидным. Давно уже цифры первоначального плана утратили для совѣтскаго Кремля все свое значеніе, и из плана хозяйственнаго строительства пятилѣтка обратилась в лозунг, в знамя новаго рѣшительнаго наступленія коммунизма. «Соціализм в одной странѣ» на дѣлѣ оказался базой краснаго империализма. В зависимости от судьбы послѣдняго, пятилѣтка удастся вся цѣликом или совсѣм не удастся. Безсмысленно говорить о том, что она удастся только на половину или на треть. Количество давно перешло здѣсь в качество. И нигдѣ это не видно с такой опредѣленностью, как в школьной политикѣ совѣтской власти, составляющей органическую часть общей политики пятилѣтки.

«Культурная пятилѣтка» — также имѣет свои цифры, опрокинутыя уже и непрерывно опрокидываемыя — как впрочем и всѣ другія цифры пятилѣтки — ею же порожденным развитіем событій. Дѣло не в этих цифрах и не в том, в какой мѣрѣ соответствует им дѣйствительность. Цифры являются инородным фасадом, облакающим по существу своему эсхатологическую цѣль, которая ни в какія цифры не укладывается. В «культурной пятилѣткѣ» цѣль эта опредѣляется слѣдующим образом: совершенное искорененіе религіи, полное уничтоженіе безграмотности, стопроцентное «обрабоченіе» высшей и средней школы, совершенная «пролетаризація» обученія, созданіе школы, воспитывающей членов новаго коммунистическаго общества. По сравненію с этими абсолютными цѣлями совершенно блѣднѣют тѣ конкретныя цифры пятилѣтняго плана, согласно которым сѣть дѣтских садов должна охватить к 1933 году 2% дѣтей дошкольнаго возраста, число студентов в вузах должно быть доведено до 113% их числа в 1928 году, число изб-читален увеличено на 75%, клубов и народных домов на 25% и т. п. Начиная с 1929 года, школьная политика совѣтской власти опредѣляется именно этими абсолютными цѣлями и менѣе всего цифрами, с каждым годом принимающими все болѣе фантастическій характер.

Еще пред самым началом Нэпа совѣтская власть поставила себѣ в своей школьной политикѣ двѣ задачи, естественно, вытекавшія из самаго существа «диктатуры пролетаріата». Задачи эти опредѣлялись тѣм, что завоеванное «партіей пролета-

ріата» государство, вмѣсто того, чтобы сразу «отмереть», оказалось, напротив, добычей, которую пришлось всемѣрно охранять от «классовых врагов», и которая развила в необычайной мѣрѣ всѣ присущія государственному абсолютизму свойства. Для удержанія государства в своих руках, как орудія «диктатуры пролетаріата», нужна «смѣна», для сохраненія же и усиленія государственной мощи нужны «спецы». Школьная политика и должна была разрѣшить эту двуединую задачу созданія в скорѣйшее время «квалифицированной рабочей силы», коммунистическое правовѣріе которой стояло бы выше всяких подозрѣній. Задача созданія «квалифицированной рабочей силы» должна была быть обезпечена профессионализацией высшей и средней школы, также как и строгим контингентированіем числа учащихся в ней соотвѣтственно «заявкам» государственных вѣдомств. Нэп, введенный как раз тогда, когда твердо опредѣлились линіи этой школьной политики «переходнаго времени», смягчил на дѣлѣ ея примѣненіе. «Хозяйственники», крестьянство, учительство, традиція университетскаго преподаванія, національности были тѣми живыми силами русской школы, которыя, в эпоху Нэповской «передышки», оказались достаточно сильными, чтобы поставить на дѣлѣ границы и превращенію школы в простое орудіе внѣдренія коммунизма и ея крайней профессионализации. Сама совѣтская власть выплачивала еще в это время обильную дань автономіи школы и ея внутренней закономѣрности тѣм, что облакала всю школьную политику в ризы педагогической реформы («комплексный метод», школьное самоуправленіе, дальтонскій план и т. п.), окрашенная в цвѣта педагогическаго радикализма, сближавшаго ее с модными теченіями западной педагогики и унаслѣдованнаго ею еще от того перваго, эсхатологическаго, періода коммунистической педагогики, когда цѣлью школы в безклассовом обществѣ полагалась абсолютная свобода личности учащагося и ея всестороннее, «политехническое» образованіе. Правда, в кратковременный період «новой культурной политики», непосредственно предшествовавшей пятилѣткѣ, педагогическій утопизм, бывшій на дѣлѣ лишь прикрытіем превращенія школы в орудіе коммунистической диктатуры, уступил мѣсто школьному Нэпу, т.-е. политикѣ «малых дѣл» в школьной области. Однако, в силу внутрен-

ней диалектики истории, он одно время был бесспорно тем пловком, под которым живыя силы русской школы принялись за работу восстановления ея разрушеннаго организма.

Новый курс школьной политики совѣтской власти, вызванный к жизни пятилѣткой, может быть опредѣлен двояко. С одной стороны, он представляет собою усугубленіе всѣх тѣх тенденцій, которыя ярко намѣтились уже во втором, абсолютистском, періодѣ совѣтской школьной политики (1920-1926), но были ограничены тогда сопротивленіем со стороны всѣх тѣх живых сил русскаго общества, для которых Нэп означал нѣкоторую передышку. С другой стороны, он характеризуется отказом от всѣх радикально-педагогических лозунгов, унаслѣдованных от перваго періода совѣтской педагогики (1917-1919), и является постольку продолженіем «новой культурной политики» (1926-1928), педагогическая безпринципность которой явилась слѣдствіем крушенія «комплекснаго метода» и других педагогических новшеств 1922-1924 г.г. В самом дѣлѣ, исходным пунктом новаго курса школьной политики явилось признаніе неудачи «классоваго отбора». Несмотря на всѣ восстановленныя препоны, «непролетарскіе» и «полупролетарскіе» слои продолжали проникать в среднюю и высшую школу и составляли в 1927 г. 77% учащихся в техникумах, 74% учащихся в вузах, а в школѣ II ступени даже 84% учащихся, при чем процент этот за послѣдніе годы обнаруживал даже тенденцію к возрастанію. При этом «рабочее ядро» во всѣх типах школ неуклонно падало по мѣрѣ приближенія к концу школьнаго курса, снижаясь до 8% оканчивающих высшія учебныя заведенія. «Пролетаріат» оказался явно неспособным или нежелающим воспользоваться предоставленной ему привилегіей «грызть гранит науки». Когда в 1929-1930 г. рѣшено было особенно усилить классовый отбор при поступленіи в вузы и техникумы, в педагогических и многих других учебных заведеніях около половины мѣст остались незаполненными, так что пришлось продолжить срок пріема, установив слѣдующія нормы мѣст, бронированных за «рабочими»: для индустриально-технических вузов — 75%, социально-экономических — 65%, медицинских — 60%, художественных — 50%, педагогических — 40%, — отношеніе, точно отображающее сравнительныя возможности

заработка и выдвиженчества отдѣльных совѣтских карьер. Внутреннее противорѣчіе и духовное безсиліе политики классоваго отбора получили в этих цифрах свое наглядное выраженіе. На двѣнадцатом году своего существованія, когда, с введеніем пятилѣтки, «классовая борьба достигла своего наибольшаго обостренія», совѣтская власть оказалась вынужденной поручить «пролетаризацію» школы «классово-чуждым элементам».

Чтобы выйти из этого тупика, ЦК коммунистической партіи уже осенью 1928 года объявляет мобилизацію первой «тысячи» на «фронт учебы». Проведенная комсомолом и Совѣтом профсоюзов, мобилизація эта оказалась столь успѣшной, что в слѣдующем году классовый набор возводится в метод школьной политики, долженствующій замѣнить собою старый метод классоваго отбора. Осенью 1929 года ЦК коммунистической партіи и совѣту профсоюзов предписывается: «провести в 1930-1931 г. вербовку во вузы не менѣе 2.000; в сельско-хозяйственные вузы в 1930 г. направить 1.000, и т. д. В том же постановленіи ЦК комсомола «обязывается» «ежегодно подготовить во вузы и техникумы до 5.000 человек». ПУР (Политическое Управленіе Красной Арміи) в свою очередь обязывается «подготавливать ежегодно во вузы, с.-х. вузы и техникумы не менѣе 3.000 человек из числа демобилизуемых рабочих и крестьян». Одновременно, очевидно, для того, чтобы сдѣлать возможным всѣм этим мобилизованным на «фронт учебы» рабочим и коммунистам прохожденіе курса наук, отмѣняются всѣ вступительныя и курсовыя экзамены, также как и дипломныя проекты. Пріем студентов, переход их с курса на курс и полученіе ими свидѣтельства об окончаніи вуза производится особыми коммиссіями, большинство членов которых составляют не профессора, а представители различных коммунистических организацій. Курс обученія сокращается при этом в большинство вузов с 4 до 3 лѣт. Крѣпостное состояніе этого новаго студенчества продолжается и послѣ окончанія ими вузов: «студенты, получающіе помощь, обязаны по окончаніи вузов вести работу в теченіе опредѣленнаго срока в опредѣленных районах по указанію государственных и хозяйственных органов.»

Аналогичныя мѣропріятія принимаются властями также и для подготовки красной профессуры. Так в сентябрь 1929 г.

Московский Наркомпрос издает циркуляр, которым местным отделам народного образования предписывается по определенной разверстке «откомандировать 50 коммунистов (из числа работников отделов) для подготовки их к научной деятельности в области педагогики». Наконец, чтобы обеспечить эту безпримыслую в истории высшего образования организацию прохождения науки по наряду, весной 1930 года уничтожаются последние остатки автономии высших учебных заведений. Должность ректора, до сих пор избиравшегося советом вуза, хотя и наводненными представителями разных «общественных» организаций, упраздняется, и на место ректора становится назначаемый властью «директор», объединяющий в своих руках на основе единоначалия все управление вузом, включая даже назначение преподавательского персонала. Очевидно, Луначарский оказался слишком «штатским» для проведения этой в полном смысле слова военной реформы. Как известно, он и был заменен в сентябре 1929 года на посту Наркомпроса РСФСР красным генералом т. Бубновым, сумевшим в качестве начальника ПУР'а снискать особое благоволение Сталина.

Вслед за усугублением классового набора последовало также усугубление профессионализации всей школьной системы. Еще в 1921 году лидеры Украинского Наркомпроса Гринько и Рябко выработали план реорганизации всей школьной системы в духе последовательного марксизма. Школа, утверждали они, есть только орудие производственных отношений и «надстройка» над ними. Ее видимое отделение от производственного процесса в буржуазном обществе, мнимая ее «автономия» есть не что иное, как отражение классового дуализма производственных отношений. С уничтожением этого дуализма школа должна слиться с производственным процессом. Функция школы в коммунистическом обществе заключается в производстве квалифицированной рабочей силы, на подобие того, как тяжелая промышленность имеет задачей своей производство орудий производства. Из этого «прикрепления» школы к производственному процессу вытекает упразднение якобы автономных, чисто научных учебных заведений (в частности таких факультетов, как историко-филологический или физико-математический, также как и общеобразовательной средней школы), замена их

«цфлевыми» учебными заведениями (электротехническим, химическим, экономическим, педагогическим и др. институтами) и передача этих друг от друга изолированных цфлевых институтов соответствующим ведомствам, на которых расчленяется производственный процесс. В 1921 году ЦК коммунистической партии не решился пойти так далеко. Правда, на Украине университеты были разбиты на «цфлевые» институты, общеобразовательная школа была укорочена до семилетней школы, старшие классы средних учебных заведений были заменены техникумами и самостоятельными профкурсами, но все же все эти учебные заведения остались в ведении Наркомпроса. В РСФСР, где сопротивление университетов и общеобразовательной традиции, выступавшей под марксистским лозунгом «политехнизма», было сильнее, дело ограничилось упразднением чисто научных факультетов и введением в старшие классы девятилетки так наз. профессиональных уклонов. В течение долгого времени «российский» политехнизм и «украинский» профессионализм боролись друг с другом за марксистское первородство внутри советской общественности, взаимно обвиняя друг друга в буржуазном уклоне. Еще в 1929 году казалось, что спор решится в пользу «российского» политехнизма. Пятилетка окончательно решила этот спор в пользу украинского профессионализма. При этом было проведено в жизнь и то, что в 1921 году послужило предметом вето со стороны ЦК партии. Согласно постановления ЦИК и СНК СССР от 23 июня 1930 г. многофакультетные высшие учебные заведения и техникумы разбиваются на самостоятельные «отраслевые» вузы и техникумы, при чем однородные специальности различных учебных заведений данного города объединяются вместе и передаются на бюджет и в ведение соответственных ведомств: химические институты — Всехимпрому, строительные институты — Союзстрою, медицинские институты — Наркомздравам, институты советского права — Наркомюстам союзных республик и т. п. В ведении Наркомпроса остаются одни только педагогические и художественные институты и техникумы, также как и начальная четырехлетняя школа и отчасти школа семилетняя. Вообще же говоря, даже уже семилетняя школа «прикрепляется» или к фабрикам и заводам или к колхозам и совхозам отчасти

в порядкѣ «шефства», отчасти в порядкѣ прямого перехода на их бюджет. вмѣстѣ с тѣм она приобретает «профессиональный уклон» (фабрично-заводская семилѣтка, школа колхозной молодежи, коммунальная семилѣтка), оставаясь впрочем в большей своей части под управлением Наркомпроса. Что касается университетов, то там, гдѣ названіе университетов еще сохраняется (Московский, Ленинградскій, Саратовскій университеты), они, за выдѣленіем из них в самостоятельные институты большого числа факультетов, превращаются точно так же в учебныя заведенія «цѣлевого» типа. Для Московскаго и Ленинградскаго университетов цѣль эта опредѣляется как «подготовка научно-ислѣдовательских кадров по физико-механико-математическим и биологическим дисциплинам». Не удивительно, что, в результатѣ этого дробленія и перетасовки существующих высших учебных заведеній, общее число их превысило рекордную цифру 400 самостоятельных вузов, хотя и на «базѣ» сильно уменьшившагося в процессѣ раздѣла общаго имущества учебнаго инвентаря.

«Единство производства и обученія», достигнутое таким образом, находится в самой тѣсной связи с классовым набором. Его педагогическая цѣль (сдѣлать обученіе трудовым) и его марксистскій замысел (сліяніе с производственным процессом) всецѣло подчинены основной цѣли «обострившейся классовой борьбы»: мобилизовать возможно большее число рабочих на «фронт учебы». Какова бы ни была его идеологическая надстройка, фактически оно означает побѣду рабочаго-комсомольца. Выдвиженіе послѣдняго на командные посты есть послѣдняя затаенная цѣль всей школьной реформы періода пятилѣтки. Самоувѣренный и полуграмотный, исполненный ненависти к старым «спецам» и предпочитающій им иностранных наймитов, он представляет собою тот новый правящій слой, на который во все большей степени принуждена нынѣ опираться совѣтская власть.

Рука об руку с этими процессами шло также и усугубленіе политическаго момента в учебных программах всѣх типов школы. Начиная с 1928 года, политграмма разрастается в цѣлый самостоятельный цикл отдѣльных учебных предметов, в так наз. «соціально-политическое ядро» учебных программ всѣх

учебных заведеній средняго и высшаго типа. Хитрость (почти что вредительская!) языка пожелала, чтобы центральный предмет этого ядра получил официальное названіе «діамата» (диалектическій материализм). Вокруг этого діамата группируются в различных вариантах (в зависимости от специальности учебнаго заведенія) «ленинизм», «совѣтское хозяйство» и др. аналогичныя науки. Задача этого ядра — воспитать «активнаго борца за коммунизм», вооруженнаго «марксистско-ленинскою теоріею» и стойко придерживающагося генеральной линіи партіи.

«Крайнее обостреніе классовой борьбы», характеризующее період пятилѣтки, и подготавливаемое ею превращеніе классовой борьбы в гражданскую войну в мировом масштабѣ привели впрочем к тѣму, что и «діамат» оказался недостаточным. Начиная с 1928 года, совѣтская школьная политика вступила на путь прямой «военизаціи» школы. Школѣ ставится отнынѣ опредѣленная цѣль подготовки «одиначнаго бойца» разных родов оружія (средняя школа) или «средняго команднаго состава запаса красной арміи» (школа высшая). От 1/5 до 1/3 учебнаго времени учащихся отводятся нынѣ военным наукам, военным упражненіям и лагерным сборам. Во всѣх учебных заведеніях учреждены спеціальныя «каѳедры военных наук», военные «кабинеты», а в средних школах штатныя должности преподавателя военных предметов и «военные уголки». Болѣе того: как всѣ вузы распределены между отдѣльными отраслями производства, точно так же всѣ они распределены и между отдѣльными родами оружія (артиллерійскіе вузы, бронетанковые, военно-химическіе, пѣхотные и т. п.), будучи даже, в отношеніи военной подготовки и учета учащихся, «прикрѣплены» к соответствующим частям Красной Арміи. Что касается средней школы, то связь между нею и Красной Арміею осуществляется в порядкѣ «шефства» над отдѣльными школами различных частей арміи. Школа тѣм самым становится не только составной частью производственнаго процесса, но в такой же степени также и органической частью военнаго аппарата страны. Неудивительно, что с начала пятилѣтки школьное законодательство и педагогическая литература в полной мѣрѣ усвоили военный жаргон: «культпоход», «культэстафета», «культбригада», «грамотный призыв», «штаб культэстафеты», «прорыв»

(на фронтѣ учебы), «культштурм» — всѣ эти новыя слова совершенно вытѣснили из употребленія такіе термины, как «единая трудовая школа», «комплекс», «лабораторный метод» и другіе штатскіе лозунги предыдущих періодов совѣтской педагогики.

И дѣйствительно, поражает та циничная откровенность, с которой совѣтская власть в своей новой школьной политикѣ отмахивается от всяких чисто педагогических новшеств, будет ли это «комплексный метод», еще в 1925 году провозглашавшійся величайшим открытіем коммунистической педагогики, или «метод проэтов», тщетно выдвинутый самой Крупской послѣ крушенія «комплекса». Школа становится буквально и неприкровоенно орудіем «обостренной классово́й борьбы». И чѣм болѣе борьба эта принимает характер военного похода, тѣм болѣе блекнет маска педагогическаго радикализма, и тѣм болѣе выступает наружу Молох краснаго милитаризма, в жарком дыханіи котораго испаряются послѣдніе остатки того, что можно было бы еще назвать образовательным идеалом.

В сферѣ новой школьной политики совѣтской власти особенно ясно выступает наружу милитаристическое существо пятилѣтки. Ставка на мировую революцію является единственным разумным объясненіем того безумнаго пожертвованія реальными хозяйственными нуждами населенія Молоху индустриализаціи, который составляет самое существо пятилѣтняго плана. Созданіе тяжелой промышленности на костях вымирающаго с голоду населенія, — задача эта получает хоть нѣкоторое объясненіе только при предположеніи, что индустриализація есть средство использованія Россіи, как плацдарма для осуществленія коммунистической партіей ея мировых задач. Дѣйствительно, Нэп, понимавшійся самим Лениным лишь как «передышка» между русской революціей и «запоздавшей» революціей европейской, тѣм болѣе утрачивает свой смысл, чѣм болѣе слабѣет перспектива внутриевропейской революціи. Чѣм болѣе, с другой стороны, растет перспектива новой европейской войны, тѣм болѣе коммунистическая партія должна быть готова к тому, чтобы, вызвав эту войну или вмѣшавшись в нее, раздуть ее по русскому примѣру в социальную революцію. Если Ленин вѣрил еще в европейскую революцію, как возстаніе самого ра-

бочаго класса, то Сталин возлагает уже всю свою надежду на войну. Красная армія своими штыками должна достичь того, чего не смог добиться собственными своими усилиями пролетаріат капиталистических стран. Поэтому пятилѣтка и означает в первую очередь созданіе тяжелой промышленности, как необходимой в настоящее время основы военной мощи государства. Догнать и перегнать Европу в вооруженіях — к этому в значительной степени сводится непосредственная цѣль осуществляемаго под лозунгом пятилѣтки коммунизма. Если первая попытка ленинскаго коммунизма была объявлена в період Нэпа «военным коммунизмом» в том смыслѣ, что коммунизм этот был не настоящим, а мнимым, результатом империалистической и гражданской войны, то рецидив коммунизма, осуществляемый Сталиным, представляет собою уже военный коммунизм по самому своему замыслу.

Красный империализм Сталина является лишь отрицательной изнанкой империализма капиталистических стран, как его понимал Ленин. Сталин осуществляет лишь видѣніе Ленина: объединеніе всѣх колониальных народов, идущих войной на своих европейских поработителей. В этой новой мировой войнѣ Россія есть и вождь и плацдарм краснаго империализма. Новая школьная политика совѣтской власти, как впрочем и вся пятилѣтка, должна служить этой великой послѣдней цѣли. Если что-нибудь отличает еще абсолютизм Сталина от абсолютизма Наполеона, то только отрицательность вдохновляющаго его идеала. В противоположность Наполеону, считавшему себя наслѣдником римских Цезарей, красный империализм Сталина ставит себѣ цѣлью низверженіе наслѣдія Запада. Он слишком исполнен ненависти и отрицанія, чтобы думать о том, что будет потом, послѣ его побѣды. Пока что, к нему, как ни к кому другому, примѣнимы слова Шигалева из «Бѣсов» Достоевскаго: «исходя из безграничной свободы, я прихожу к безграничному деспотизму».

С. Гессен.

Идеи и жизнь

QUADRAGESIMO ANNO

15 мая 1931 года исполнилось сорок лет со дня опубликования папой Львом XIII его знаменитой энциклики о рабочем вопросе — *Requim povarum*. Днем юбилейной даты подписана и новая энциклика Пия XI «*Quadragesimo anno*», или «о возсоздании общественного порядка». Мир всегда прислушивается со вниманием к словам, исходящим от главы католического христианства. Для миллионов католиков эти слова облечены авторитетом догматической непогрешимости. Не-католики и даже не-христиане привыкли слышать в Риме голос совести, возвышающийся над национальными и классовыми антагонизмами, раздражающими современный мир. Это значение Рима, как справедливого арбитра в делах Европы — и мира — особенно возросло со времени войны, когда поместные церкви оказались вовлеченными в поток национальных страстей. Все заставляет думать, что новое выступление папы будет не только выражением мнений известных католических кругов, но явится важным фактором в практическом решении социальных вопросов наших дней.

Энциклика Пия XI не притязает на значение нового слова. Она хочет быть лишь комментарием к знаменитому посланию Льва XIII. «Великая хартия работников», как именует ее Пий XI, была замечательным по смелости актом, впервые поставившим перед римской церковью социальную проблему современности. Интересно отметить, как отразился опыт протекших 40 лет на социальном сознании католичества.

Новая энциклика сохраняет и доктрину и формальные рамки старой. Философия хозяйства и собственности дается по Томасу Аквинату. Идеал социальной справедливости преследуется в совместной работе трех сил: Церкви, государства, и свободных союзов. Однако по тому, как разставлены ударения, можно измерить прогресс католического опыта. При сравнении с энцикликой своего преемника, послание Льва XIII получает консервативный, местами архаический характер, — не свойственный ему по существу. Кратко, в нескольких словах, указав зло капиталистического строя, Лев XIII останавливался на угрозе социалистической революции и подробно опровергал социализм. Его идеал собственности, которой он желает обеспечить каждого рабочего, рисовался ему в виде земельной собственности — наследие ан-

тичной (даже не средневековой) социальной мысли. Этот архаизм у Пия XI замывается книжкой сберегательной кассы и участием в прибылях. Процесс против социализма введен в более скромные рамки и соответственно расширено и обострено обличение капитализма.

Экономическая эволюция последних сорока лет характеризуется, как переход от режима свободной конкуренции к «экономической диктатуре», когда обладатели, даже простые организаторы кредитного капитала по своему произволу управляют хозяйственным миром: «без их согласия никто не может дышать». Победителями оказываются «более сильные, т.е. те, которые борются с большей насильственностью, которые менее считаются с голосом совести». «Государства ставят свои силы и свою политическую власть на службу экономических интересов... Социалист не мог бы с большей силой охарактеризовать грехи капитализма, чем делает это папа. Однако, капиталистический режим осуждается не по существу, «в себе самом», а в его извращении. Само по себе разделение капитала и труда признается законным. Частная собственность, если и не именуется священной, то объявляется происходящей «от природы, т.е. от Творца». Однако, собственность имеет не только индивидуальный, но и социальный характер. Она имеет свои обязательства и свои границы. «Режим собственности не является абсолютно неизменным». Решение социального вопроса папа усматривает в «справедливом» распределении общественного дохода. При этом рабочий имеет право на труд, не истощающий его сил, не подавляющий его духовных потребностей, и на оплату, дающую возможность семейной жизни и скромных сбережений. Этот стандарт жизни для капиталиста определяется «образом жизни приличным и достойным общественного положения». Богатый должен иметь возможность раздавать милостыню и проявлять щедрость — что, в переводе на современные отношения, означает «развивать индустрию».

Из сказанного ясно, что при всем радикализме критики папа стоит всецело на почве современных хозяйственных отношений, но стремится регулировать их в духе средневековых идеалов. Идеальное христианское общество уже существовало в истории. Следует вернуться к его «естественным», или Богом положенным основам.

Социалистический идеал отвергается Пием XI не только, как нарушающий вечное право собственности, но и как посягательство на свободу, — как строй, при котором личность всецело приносится в жертву обществу, а «самые высокие блага человека — требованиям рационалистического производства». В отличие от капитализма, социализм осуждается таким образом «в себе». Он рассматривается, как единая законченная система, не только экономическая, несовместимая с христианским мирозерцанием. Слишком очевидно, что капитализм и социализм мнятся разной меркою, что социализм определяется в своих «интегральных» формах, а капитализм — в сущности, в младенческой

своей фазѣ: как раздѣленіе капитала и труда. Природа современного капитализма превращается в злоупотребленіе, а парадоксы радикальнаго социализма (коммунизма) в его природу.

Папа не закрываетъ глаз на глубокія отличія в современном социализмѣ. Лев XIII видѣлъ перед собою призракъ единого революціоннаго фронта; теперь социализмъ раздвоился. С одной стороны, коммунизмъ, «дикій и безчеловѣчный», который покрылъ кровью и развалинами «огромныя страны восточной Европы и Азии» (папа избѣгаетъ имени Россіи), — с другой, умѣренный социализмъ, отказавшійся отъ насилія, отъ принципиальнаго отрицанія собственности и уже «не отличающійся отъ идеаловъ и требованій христіанскихъ реформаторовъ». Предъ лицомъ коммунизма папа осуждаетъ беззаботность тѣхъ, кто позволяетъ свободно распространяться его идеямъ, но еще болѣе тѣхъ, кто «не радѣетъ объ устраненіи или измѣненіи порядка вещей, ожесточающаго массы и подготавлиющаго такимъ образомъ переворотъ и разрушеніе общества».

Казалось бы, что мирные социалисты, осуществляющіе христіанскую реформу, заслуживаютъ признанія христіан. Однако, в виду принципиальнаго (не религіознаго, а экономическаго!) порока социализма, онъ объявляется несомвѣстнымъ с христіанствомъ: «Религіозный социализмъ, христіанскій социализмъ — суть противорѣчія: никто не можетъ быть в одно и то же время добрымъ католикомъ и истиннымъ социалистомъ». Папа осуждаетъ работу католиковъ не только в партіяхъ, но и в организаціяхъ, которыя «открыто или фактически» являются социалистическими. Строгость этого приговора, который долженъ разбить не мало христіанскихъ жизней, вытекаетъ, повидимому, не изъ опасенія социалистическихъ соблазновъ, а изъ желанія сосредоточить всю социальную церковную акцію в католическихъ союзахъ под контролемъ іерархіи. К этому контролю и даже «руководству» пастырей церкви папа возвращается и в заключеніи посланія. Епископы одни могутъ рѣшать, какія изъ безпартійныхъ профессиональныхъ объединеній остаются открытыми для добраго католика. Католическая церковь бьется свободнаго мірянскаго движенія и беретъ на себя, т. е. возлагаетъ на іерархію отвѣтственность за социальную и политическую работу. Это какъ разъ тѣ черты, которыя раздѣляютъ в нашихъ глазахъ церковность и клерикализмъ. Папа, какъ глава социально-политической католической акціи, становится вождемъ одной изъ борющихся в мірѣ силъ, для котораго уже невозможно положеніе моральнаго арбитра. Здѣсь, в современном мірѣ, повторяется парадоксальное положеніе, вѣками связанное с итальянскимъ государствомъ папы. Созданное для обезпеченія свободы Церкви, государство это низводило папу до уровня одного изъ монарховъ, отступающихъ свои узкіе интересы — вмѣсто того, чтобы оставаться арбитромъ государей.

Послѣднее наблюденіе. Хотя, какъ мы видѣли, папа не сохраняетъ теоретическаго равновѣсія в оцѣнкахъ капитализма и социализма, это

вытекаетъ скорѣе изъ средневѣковой доктрины и изъ общей консервативности Церкви, а не изъ дефекта социальной справедливости. Конкретно, в борьбѣ рабочихъ и предпринимателей папа отнюдь не становится на сторону послѣднихъ. Еще для Льва XIII борьба с социальной революціей стоитъ на первомъ планѣ. Пій XI обращается скорѣе к разрушительному процессу капиталистическаго вырожденія, чѣмъ к революціонной опасности. Защита рабочихъ, подѣмъ ихъ классоваго уровня для него в центрѣ вниманія. На ихъ свободныя организаціи онъ возлагаетъ больше надежды, чѣмъ на вмѣшательство государства (косвенно осуждая фашистскіе синдикаты). Папа констатируетъ с горечью, что, если католическіе рабочіе отвѣтили достойно на призывъ Льва XIII, то католики-хозяева не оказались на высотѣ положенія. Послѣднее его слово, послѣднее благословеніе — рабочимъ.

Не взирая на схоластическій скелетъ доктрины, энциклика Пія XI проникнута благороднымъ идеализмомъ, способнымъ зажигать сердца и бросать юношей на социальный подвигъ: «Пусть они не теряютъ бодрости. Итти на встрѣчу суровымъ битвамъ — призваніе христіан; выполнять трудныя задачи — дѣло тѣхъ, кто в качествѣ добрыхъ воиновъ Христовыхъ ближе всего слѣдуютъ за Нимъ». Особенно привѣтствуетъ папа жертвенный порывъ студенческой молодежи: «Среди юношей, которыхъ таланты или богатство предназначаютъ к почетному положенію в высшихъ классахъ общества, мы видимъ не мало такихъ, которые с возрастающимъ интересомъ изучаютъ социальныя проблемы и подаютъ радостную надежду на то, что они всецѣло посвятятъ себя социальному возрожденію».

Это правда. Социальный энтузіазмъ католической молодежи — одна изъ надеждъ нашей трагической эпохи.

Г. Федотов.

ЧТО СЛѢДУЕТЪ ОТРИЦАТЬ ВЪ «УТВЕРЖДЕНІЯХЪ»

Въ первыхъ двухъ, доселѣ вышедшихъ, книжкахъ «Утвержденій» участвуютъ «старые» и «молодые». Старые извѣстны — и сколь ни цѣнны статьи нѣкоторыхъ изъ нихъ, сейчасъ я ихъ касаться не стану: мнѣ хочется разобраться в томъ, что «утверждаютъ» молодые. Свою попытку сдѣлать то же самое П. Н. Миллюковъ снабдилъ двойнымъ заглавіемъ: «На небесахъ» и «На землѣ», повидимому, желая этими формулами подчеркнуть несоотвѣтствіе между историческими и религіозно-философскими предпосылками «Утвержденій» и самими «Утвержденіями», т. е. практически-политическими выводами; между отважнымъ пареніемъ в заоблачныхъ высяхъ и какой-то связанностью движеній на землѣ. Мнѣ однако кажется, что дѣло обстоитъ нѣсколько иначе, и что позиція, занятая «на землѣ» выразителями нѣкоторыхъ новыхъ эмигрантскихъ настроеній

соответствует тому, что они на ней увидели, вознесшись «в небеса». Оговариваясь, что никакого цѣльнаго историко-философскаго построения, которое бы выражало общую идеологию всѣх объединившихся в новом журналѣ людей, в «Утверждениях» нѣтъ, и что я позволяю себѣ в дальнейшем дѣйствовать по методу подбора косвенных улик, интегрированія намеков, — с риском взвалить на одного ответственность за взгляды другого. Все же думается, что нѣчто общее у всѣх идеологов «Утверждений» (повторяю, я говорю о «молодых») есть, и что это общее есть именно то, благодаря чему и получилось поразившее П. Н. Милукова противорѣчіе, вскрывающее противорѣчіе в самой идеологии. Противорѣчіе это не ново. Оно восходит к элигонам славянофильства и состоит в превознесении национально-государственной мощи Россіи, наряду с «утверждением» мессіанской роли русской культуры, как чуть ли не адвѣкатнаго осуществленія абсолютной Истины. Это связано с противопоставленіем русской культуры, абсолютно-цѣльной, культурѣ западно-европейской, цѣльной лишь относительно, в сущности «ошибочной». Русская (= православная = христианская по преимуществу) культура есть задание, возложенное на Россію самим Провидѣніем — недаром же в Россіи возникла «совершенно новая», «предвѣщаящая собой... звучаніе чисто-русской мысли, идея Третьяго Рима (Е. Соболева, Россійское Мессіанское Призваніе, «Утв.» II, 20, курсив мой); — задание, которое Россіи неминуемо, фатально вынуждена осуществлять — при одном условіи: сохранить свое государственное бытіе. Поэтому работающіе над укрѣпленіем государственной мощи Россіи — все равно из каких побужденій, безразлично какими средствами, — тѣм самым содѣйствуют осуществленію ея мистическаго призванія. Схема, по которой построена эта философія русской исторіи, до такой степени стара, ея внутренняя порочность столь часто была предметом критики, что сейчас еще раз опровергать ее просто скучно, да и ненужно. Достаточно напомнить, что, примѣнительно к Россіи, эта схема формулируется в идеѣ «Третьяго Рима», идеѣ вовсе не «совершенно-новой» и «чисто-русской», как утверждает только что упомянутый автор, а бывшей простым перенесеніем на Россію представлений о «Втором Римѣ», сводившихся к превознесению организованнаго насилія, творимаго во имя конечной супранатуральной цѣли.

Столь же не нова и органически связанная с идеей единственнаго «потенциально-праведнаго» царства антитеза: Россіи — Европа. Евразійцы, как извѣстно, расширили ее: Евразія — Европа. В «Утверждениях» (№ 2) эта антитеза получила новый вид, в статьѣ Вс. Игнатьевскаго, «Азія и Европа». Европейской культурѣ, приведшей к «власти матеріализма», автор противопоставляет азіатскую, но уже не бурятскую, калмыцкую, татарскую, а «арійскую», т. е. иранскую и индійскую. Эти двѣ культуры стоят на точкѣ зрѣнія метафизическаго монизма, как и культура восточно-христианская, — в противоположность культурѣ за-

падно-христианской, покоящейся, подобно семитской, на принципѣ метафизическаго дуализма. До эпохи Возрожденія Европа и Азія составляли, культурно, один міръ: «и Азія и схоластическая Европа живут в одном общем устремленіи к небу — в одной мистикѣ спасенія. Через арабовъ сперва, а крестоносцев затѣм, индійская метафизика (неоплатонизм) ¹⁾ и иранскій суфизм проникают в Европу, и пламя азіатской мысли освѣщает весь схоластическій період средневѣковья» (стр. 32). Странно то, что автор, так глубоко проникшій в природу мистической культуры и давшій в общем прекрасную характеристику ея зарожденія и распространенія, в то же время допустил грубую ошибку, повторяя устарѣвшую оцѣнку Возрожденія, как времени вторичнаго обрѣтенія «античных боговъ» (стр. 53), возврата к «классической древности», отрыва от культуры, основанной на метафизическом монизмѣ, на признаніи единства духа и тѣла, формы и матеріи. Автор словно не знает, что как раз в эпоху Возрожденія мистическое мировоззрѣніе было окончательно продумано и послѣдовательно развито, у Николая Кузанскаго, у Пико и Фичино, у Джордано Бруно и Спинозы; не знает, что эта традиція продолжается Лейбницем, Шеллингом, Гегелем, Гете; что к ней примыкает большинство выдающихся мыслителей нашего времени. Можно ли, съдовольствительно, говорить, что Европа только «гдѣ-то в подсознаніи» сохранила — и то лишь «какія-то частицы» единой «арійско-азіатской» культуры (стр. 39)?

Ошибка автора — общая ошибка идеологов «Утверждений». Они считают европейскую культуру мѣстной, провинціальной. Они не дооцѣнивают в ней того, что обладает универсальным и вѣчным значеніем.

С недооцѣнкой европейской культуры, с одной стороны, и с преклоненіем перед государством, как организованной силой, с другой, связана у молодых идеологов «Утверждений» недооцѣнка демократіи, как единственной формы реализаціи Націи и демократическаго Права («с этим стоит в противорѣчій настоятельно выдвигаемое ими «утвержденіе» принципа свободы»). Очень характерна в этом отношеніи редакціонная оговорка к статьѣ Ф. Степуна «В защиту свободы» (№ 2): «... всемерно утверждая идею свободы (основоположную идею христианства), мы не склонны обязательно связывать ее с «демократическими» формами государственнаго устройства...» (стр. 19). Не менѣе характерна фраза из рецензіи (подп. Я. М.) на книгу проф. Устрялова: «... к праву (в его данности) автор относится с заслуженным пренебреженіем» (№ 2, стр. 139). Что право, само по себѣ, еще не гарантія свободы — это общее мѣсто. Но неужто еще надо повторять, что без права не может быть свободы? Что касается «демократиче-

¹⁾ Неоплатонизм, однако, не одно и то же, что индійская метафизика. Невѣрно и то, что неоплатонизм проникает «через арабовъ» и крестоносцев. Автор игнорирует роль Псевдо-Діонисія и его западнаго интерпретатора — Скота Эрутенна.

ских форм», то я боюсь, что редакция «Утверждений» допустила, противопоставляя их фашизму с одной стороны и «советской действительности», как тому, из чего «придется исходить», с другой, подмену понятий: ибо и фашизм, и советская действительность являются отрицанием не форм только, а самих принципов демократии — и прежде всего принципа свободы, утвержденной на законѣ. Отрицание же принципов демократии влечет за собою и отрицание ее форм: ибо эти формы не случайность, но органическое слѣдствие демократических принципов. Банальное заблуждение, будто формы демократии обусловлены «механистическим», «атомистическим» мировоззрѣніем эпохи рационализма и будто онѣ не соответствуют действительному строению общества, состоящего не из человеческих атомов, а из «реальных», конкретных, связанных со своей профессіей, со своим классом людей. Европейская демократическая мысль, правда, ищет уже давно коррективов к наличной демократіи: но дѣло идет именно о ее усовершенствованіи, не о ее отменѣ. И надо быть слѣпым, чтобы не видѣть, как демократическая практика сама вырабатывает эти коррективы — каковы, напримѣр, трэд-юнионы в Англии, разнообразнѣйшіе Vegetions, на которые опираются партии в Германіи; каковы надпартийныя, «национальныя» правительства, надпартийныя leaderships (Клемансо, Макдональда), — коррективы, способствующие свободному — в отличіе от режимов принудительно властвующаго «отбора» — выявленію той «общей воли», которая, не будучи «волей всѣх», все же есть иѣчто высшее, нежели просто воля большинства, навязываемая меньшинству.

Идеологія «Утверждений» не то же самое, что идеологія евразійства. Но она очень похожа на евразійскую — и как раз в том, что составляет, если можно так выразиться, конститутивную порочность послѣдней. Первоисточник этой общей болѣзни, надо полагать, психологическаго свойства. Идеологи «Утверждений», как и евразійцы, живут всецѣло в будущем, т.-е. в сущности не живут. Отсюда психологическая невозможность для них усвоить себѣ как раз ту точку зрѣнія, которую пытается «утвердить» Вс. Никольскій и которой, как и слѣдует ожидать, он сам же не выдерживает. Говоря об «арійском сознаніи», автор (стр. 42) замѣчает: «Для него не катастрофа является концом мірового историческаго процесса, а закономерное завершение его в метафизическом абсолютѣ. «Историческое» и «метафизическое» им не противопоставляются, ибо «метафизическое» есть начало и завершение «историческаго». Надо пойти дальше: для истиннаго мониста нѣтъ никакого общаго «завершенія» историческаго, т.-е. во времени протекающаго, процесса, но это «завершеніе» есть акт индивидуальнаго сознанія, его сознанія. Мистерія «завершенія» творится в его собственном духѣ. Поэтому для него каждый миг жизни исполнен метафизическаго смысла, каждая человѣческая жизнь обладает своей собственной цѣнностью, и поэтому оправданіе угнетенія и насилія во имя

«случаго свѣтлаго будущаго», с его точки зрѣнія, просто бессмысленно. А идеологи «Утверждений», я боюсь, сами того не замѣчая, недалеко от этого.

П. Бицилли

Примѣчаніе. Редакция надѣется вернуться к «Утверждениям» в слѣдующем номерѣ, в связи с общей оцѣнкой «пореволюціонных» теченій в эмиграціи. Там же будет оцѣнено и их двусмысленное отношеніе к советской власти.

НОВЫЯ ИДЕИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ СОЦИАЛИЗМѢ

«Не к низинам влечется человѣчество, а к горнымъ высямъ», говорил Жорес, утверждая героичность, как основную стихію исторіи. Жорес своим радостным и мужественным идеализмом претворял партийно-классовую борьбу в борьбу за обще-человѣческія цѣнности. Правда, и ему был свойствен рационалистическій оптимизм, позитивистическая «религія прогресса», под знаком которой прошла вторая половина XIX вѣка. Как бы то ни было, в «объединенной» (с 1905 г.) социалистической партіи марксисты, во главѣ с Гедом, отнюдь не преобладали, хотя программа и была выдержана в марксистских тонах: в довоенные годы дух Жореса брал верх над «буквой» Геда. Но если мы перенесемся в наши дни, то найдем послѣдователей Жореса в положеніи еретическаго меньшинства.

В то время, как социализм переживает почти во всѣх странах глубокія измѣненія в идеологіи, психологіи, тактикѣ, — представители французскаго «большинства» во всѣх случаях партийно-политической жизни патетически ссылаются на рѣшенія Амстердамскаго конгресса и на пункты партийной хартіи 26-лѣтней давности. Французская социалистическая партія страдает острым припадком «возвратнаго» марксизма. — Слѣдует указать на причины этого.

Франція вышла из войны менѣе измѣнившейся, чѣм другія страны. Точнѣе говоря, она пережила меньше политических сдвигов и перемѣн. Естественно поэтому, что великое душевное потрясеніе нашло себѣ исход на индивидуально-психологических путях. Французская элита, дыша воздухом Европы, исполненным великой тревоги и катастрофических предчувствій, имѣла однако под ногами твердую почву Франціи. Не явилось поэтому потребности в коренном идеологическом пересмотрѣ. Было большое замѣшательство, но не общественное, а скорѣе сумма замѣшательств личных. Не удивительно, что хранители всяких устоев, от Моррасса до Поля Фора, стали держаться за них с удвоенной энергіей.

Эти «охранительные» задачи стали особенно соблазнительны для французских социалистов вследствие необходимости, после Турского раскола (1920), неустанно бороться с коммунистами за душу рабочих. В этой борьбе Гедовская «буква» убивала Жоресовский «дух». Доказывая измену коммунистов социализму, искажение ими марксизма, подчеркивали свою верность ортодоксальной догме. — Пагубная линия наименьшего сопротивления.

Между тем жизнь все меньше соответствовала старым схемам; требуется все больше логических ухищрений, чтобы связать теорию с практикой. Каждая победа догмы препятствует живой работе; каждое торжество великой жизни требует казуистических толкований. По мѣткому выражению де-Мана, «теория претерпевает практику, вместо того, чтобы животворить ее». ¹⁾

Но если жоресисты представляют в партии меньшинство (твердо надѣющееся стать большинством), то они преобладают во французском социалистическом движении в целом: среди миллионов социалистических избирателей, в социалистических муниципалитетах и парламентской фракции, в общественных организациях, руководимых социалистами. Возглавляя воодушевленное и сильное общественное движение, жоресисты болезненно чувствуют разлад теории и практики и ищут путей к устранению его. В основе этой работы мысли — жгучая потребность осуществить свои идеалы в общественно-государственной работе большого стиля.

Обычно представляют себя меньшинство оппортунистичным, склонным к сотрудничеству с буржуазными партиями — ради второстепенных реформ. Здесь — глубокое недоразумѣние. В меньшинствѣ великая сила оттапливания от буржуазного мира. Не к мелким реформам стремится оно, а к коренным преобразованиям. Говоря же о союзѣ с лѣвыми «буржуазными» партиями, слѣдует рѣшительно отстранить аналогию с коалиционными «браками по расчету» в Германии и других странах. Нѣмецкіе социалисты для спасения демократии и свободы вступают в союз со сторонниками капитализма против врагов его, — и в этом их трагедія. Во Франции противокapиталистическія настроенія почти цѣликом вливаются в демократическое русло. Лѣвая, народная Франция требует и привѣтствует союз лѣвых партий, как духовно родственных друг другу. Как убедительно доказывает Марсель Деа, средние классы во Франции все больше становятся антикапиталистическими. Крестьяне, ремесленники, служащие, лица либеральных профессій, даже мелкие собственники и рантье, а в нѣсколько вном общественном планѣ — потребители и мелкие вкладчики, — вот, вмѣстѣ с рабочими, все растущая армія антикапитализма. Настроения этих кругов выражают социалисты и радикалы. Уже давно в программу

¹⁾ «La théorie subit la pratique au lieu de la vivifier». *H. de Man*. «Au delà du Marxisme».

последних внесен пункт об упразднении системы заработной платы («салиариата»). Все больше влияния приобретают «молодые радикалы», ²⁾ рѣзко враждебные капитализму, а радикальная партия в целом приняла программу Генеральной Федерации Труда (С.Г.Т.).

С другой стороны, не примирение с действительностью побуждает жоресистов быть противниками насильственной революции, а глубокий демократизм, отвращение к насилию и верное понимание действительности. По интересному наблюдению М. Деа, если в прошлом рабочие относились враждебно к демократической государственности, как «формальной» и «обманной», а буржуазия искренне превозносила ее, то теперь происходит как раз обратное. И Монтаньон ³⁾ с полным основанием рѣшительно вычеркивает слово «революция» из социалистического словаря, допуская вооруженную борьбу лишь для защиты демократии. Нечего и говорить, что коммунизм для Монтаньона — смертельный враг, так же, впрочем, как и для Деа и для всего меньшинства.

Но вся постановка характерно французская. Сказывается твердая почва благополучной Франции, для которой коммунизм — опасность, но далеко не грозная, а фашизм и гитлеровщина вовсе не существуют. Поэтому не затрагивается наиболее жгучая для Европы проблема: антикапитализма — врага свободы. За то меньшинство, как и вся лѣвая Франция, с чрезвычайной чуткостью отзывается на проблему борьбы за мир.

Взгляды и стремления меньшинства нашли себя выражение у Марселя Деа, одного из немногих, наряду с Монтаньоном, теоретиков французского послѣвоенного социализма. ⁴⁾

Вслѣд за де-Маном, М. Деа настаивает на психологическом истолковании всѣх явлений и учреждений общественной жизни. Душевная жизнь, утверждает он, сосредотачивается вокруг нѣскольких центральных цѣнностей, опредѣляющих тип ея, а также тип соответственной культуры. Каждая культура имѣет свою — в своеобразном равновѣсїи и взаимосоответствїи своего содержания неповторимую — архитектуру.

Борьба культур — борьба цѣнностей. В нѣдрах побѣдившей культуры защищается прошлое и идет на приступ — грядущее...

Для М. Деа капиталистическая культура, в чистом ее видѣ, имѣет основным своим двигателем стремление к личной наживѣ, откуда — технический прогресс, но и нивелировка нравов и суждений, со сведением всѣх цѣнностей к денежному критерию. Исторический материализм оказывается методом изслѣдованія, соответствующим капиталистическому умонастроению. Борьба социализма с капитализмом,

²⁾ Pierre Cot, Bertrand du Juvenel, A. Soger.

³⁾ B. Montagnon. «Grandeur et servitude socialistes».

⁴⁾ M. Dea. «Perspectives socialistes».

перерождающимся в нео-капитализм американского типа, есть борьба двух типов культуры. Борьба ведется за человека. Техника есть благо, но зубы ее механизма не должны дробить самого работника. Социализм — гуманизм грядущаго. Невозможно предсказать, за кем останется победа, но торжество капитализма означало бы для человечества подавление духовных побуждений материальными.

Для того, чтобы показать, что проблематика социализма не связана неизбежно с безрелигиозным гуманизмом, интересно сопоставить с Деа — Андре Филипа, молодого, влиятельного члена социалистической партии.

Социалистическая доктрина, говорит Филип,⁵⁾ должна производить выбор между стремлениями рабочего движения, отстраняя стремления, возникшие из подражания капиталистической среде и усиливая те, которые имеют революционную ценность. Следовательно, доктрина произносит суждения о ценностях и ставит вопрос о «иерархии желаний». Основы социализма смыкаются с основами морали: бытие и нахождение верховнаго блага и соотношение с ним благ нашей жизни. Вопросы эти порядка религиознаго, и Филипп, вѣрующій христианин-кальвинист, отвѣчает на них призывом к христианству.

Христианство не может, не отрицая себя, ограничиться путями личного спасения и должно бороться за социальную справедливость. Эту справедливость реализует социализм. Классовое сознание — не столько экономический факт, сколько нравственный императив, вытекающий из демократическаго идеала масс, а идеал этот порожден христианством.

Интересно отметить, что в партии все возрастает число вѣрующих христиан, католиков и протестантов. Большинство входит во Французскую Федерацию Христиан Социалистов, ведущую воодушевленную агитацию среди вѣрующих против власти денег, за освобождение человека — во имя «Града Грядущаго» и «Царства Божия на Землѣ».*

Итак, при всей разности мировоззрений — борьба с капитализмом во имя духовных ценностей. Но способы борьбы должны соответствовать историческим условиям.

По мнению Деа, собственность перестала быть основным атрибутом капитализма. Капиталистическая собственность постепенно расчленяется на три момента: могущество, прибыль, владѣние. — «Нео-капитализм» стал своеобразным экономическим феодализмом, где сюзерены располагают средствами своих вассалов. Комбинации многообразны; можно быть миллионером-рантье без всякаго экономическаго могущества и можно, при среднем богатствѣ, занимать «стратегические центры» финансовой и промышленной жизни.

⁵⁾ Филип, отрицая национальную оборону по религиозным мотивам, находится на лѣвом крылѣ партійнаго «большинства».

Все большей эксплуатации подвергаются мелкие вкладчики и потребители. Ставится понятным, как собственническая Франция может стать антикапиталистической.

Деа указывает на устарѣлость и бессмысленность прямой атаки на собственность. Он рисует схему весьма длительных преобразований, начиная с социализации «могущества»: производится своего рода отдѣление капитализма от государства; вводится государственный контроль в банках, в основных индустриях. Много позднее — участие в управлении предприятиями. От этой функции Деа решительно отстраняет государство: «Бойтесь этатизма, как чумы». — Старая традиция, идущая от Прудона, через Маллона и Жореса. Участвуют в управлении синдикаты производителей (в особенности — профессиональных союзов и потребителей).

Загѣм — социализация прибыли, путем всеобъемлющей системы социального обеспечения. Последний шаг — социализация собственности. Народное хозяйство — в руках кооперации. Государство постепенно отмирает...

Постепенность этих реформ, по мнению Деа, дает надежду на длительные компромиссы с передовыми капиталистическими кругами, с «Неккерами» нашего времени. Проводя свои преобразования, государство будет одновременно поощрять положительные стремления нео-капитализма: хозяйственное объединение и замирение Европы, рационализацию и картелизацию хозяйства — в соответствии с интересами общества.

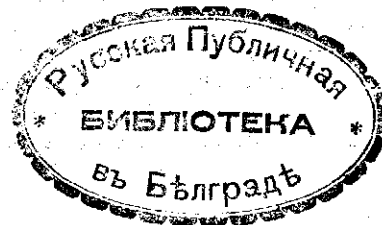
В согласии с Жоресом, Деа подчеркивает «проницаемость» государства для социалистическаго движения: не аппарат классового угнетения, который можно лишь разбить, а гибкий организм, который должно наполнить живыми соками. Чтобы «омолодить» государство, поставить его на техническую высоту нашего вѣка, Монтаньон предлагает ряд реформ: в том числѣ превращение большей части министерств в техническия дирекции, со специалистами во главѣ.

Деа — далек от оптимизма. Его путь — лишь одна из возможностей: не предсказание, а призыв. Он исполнен тревогой. Победа капитализма — угашение духа. Торжество коммунизма — катастрофический срыв.

Он сочувственно цитирует де-Мана: «Цѣль нашего существованія не райская, а героическая».

Под знаком борьбы за Свободу и Культуру будет жить Европа в ближайшіе годы. И Франции, в которой так бессильны враги свободы, быть может, принадлежит в этой борьбѣ рѣшающая роль.

Но только, боясь за духовныя ценности, надо освятить их Цѣнностью Высшей.

С. Жаба.

Книги

Н. БЕРДЯЕВ. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. Изд. «Современные Записки», склад YMCA-Press, Paris, 1931 (318 стр.).

Эпиграфом к своей замечательной книге Бердяев взял слова Гоголя: «грусть от того, что не видишь добра в добрѣ». Во всем содержанием своей этики Бердяев дерзновенно раскрывает печальную истину, что «в добрѣ и добрых очень мало добра. И оттого со всех сторон уготовляется ад» (303). Самое различие добра и зла и возникновение оценок есть уже, по его учению, следствием грѣхопадения, которое есть «обнаружение и испытание свободы человека», ведущее к раскрытию «творческого призвания человека» (306). «Мир идет от первоначального неразличения добра и зла через рѣзкое различие добра и зла к окончательному неразличению добра и зла, обогащенному всем опытом различения» (40), к Богу и раю в Богѣ, стоящим «по ту сторону добра и зла», пребывающим в Сверхдобрѣ (314). С этой точки зрения основной парадокс этики таков: «плохо, что возникло различие между добром и злом, но хорошо дѣлать это различие, когда оно возникло: плохо, что пережит опыт зла, но хорошо, что мы по-

знаем добро и зло, когда опыт зла пережит» (42).

Этика, видящая только различие добра и зла, есть этика закона. Нисколько не умаляя требований, наоборот, повышая их (314), Бердяев показывает, сколько лицемѣрия, тирании, условностей таится в законнической этикѣ и законническом христианствѣ, подавленных требованиями социальной обыденности, а вовсе не «чистой совѣсти» (в параллель «критикѣ чистаго разума» Бердяев хочет «критики чистой совѣсти»). С помощью изслѣдований школы Фрейда, Бердяев изобличает садизм законничества и мутные подсознательные источники требовательности многих поборников «добра». Бердяев вовсе не предлагает отменить этику закона и правовыя формы. Он только требует терпимости в борьбѣ со злом (100) и указывает на болѣе высокую ступень нравственного сознания, выражающуюся в этикѣ искупления, в основѣ которой лежит нисхождение в мир Бого-человѣка, взятіе Им на себя страданій из любви к падшим, и, наконец, в этикѣ творчества, ведущей «по ту сторону добра и зла» в Царство Сверхдобра. Эта высшая ступень этики требует преображения зла и побѣды над адом. Она не дает покоя «добрым», пока есть злые, терзаемые адскими муками. «Нравственное сознание

началось с Божьяго вопроса: «Кани, гдѣ брат твой Авель?». Оно кончится другим Божьим вопросом: «Авель, гдѣ брат твой Кани?» (297).

К сожалѣнію, метафизическія основныя ученія Бердяева вызывают ряд сомнѣній. Согласно Бердяеву, «свобода не сотворена Богом-Творцом», а «вкоренена в Ничто, в Ungrund» (29), из котораго рождается и Сам Троичный Бог (30). Следовательно, человек не есть сполна твореніе Божіе: он есть «дитя Божье и дитя ничто, меонической свободы» (51). К этим учениям Бердяева побуждает главным образом мысль, что свобода не может быть сотворена, и что если допустить тварность свободы человека, то сам Бог окажется виновником мирового зла, так что теодицея будет невозможна. В своих книгах «Свобода воли», «Цѣнность и бытіе, Бог и Царство Божіе, как основа цѣнностей» я развиваю ученіе о том, что человеческое я есть свободный дѣятель, главным образом потому, что оно при твореніи надѣлено Богом **сверхкачественною**, т.-е. свободною от ограниченных опредѣленностей, творческою силою. Обладая ею, человек творит качественно опредѣленные содержанія, детерминирован мир, не будучи детерминирован им, и свободно избирает путь добра и зла. Свобода есть высшее достоинство твари, так как она есть условіе возможности добра, т.-е. всех абсолютных цѣнностей. Поэтому Бог мог сотворить мировых дѣятелей только свободными, несмотря на то, что свобо-

да может быть использована также и для осуществленія зла.

Сомнительныя метафизическія ученія Бердяева не умаляют значенія большинства его этических положеній, которых невозможно перечислить в краткой замѣткѣ. Укажу лишь еще на особенно цѣнные соображенія Бердяева об адѣ, вѣчности адских мученій, возможности всеобщаго апокатастасиса и т. п. Они содержат в себѣ, пожалуй, лучшее, что сказано на эти темы в мировой литературѣ.

Н. Лосскій.

Л. ТРОЦКІЙ. Моя жизнь. Опыт автобіографіи. Два тома. Издательство «Гранат» Берлин. 1930.

Всякая біографія эгоцентрична. Таков ея предмет. Очень эгоцентрична и автобіографія Л. Троцкого. Он сам не скрывает этого. Автобіографія для него есть активный момент его біографіи, он ведет в ней борьбу, расправляется с врагами. Это совсѣм не есть тип автобіографій, которыя пишутся в старости, когда борьба кончена и нѣтъ уже будущаго, когда память хочет воскресить безвозвратно ушедшее прошлое, когда подводятся итог жизни, и хочется опредѣлить ея устойчивый смысл. Л. Троцкий продолжает вѣрить, что будущее его и хочет за него бороться. Книга написана для прославленія Л. Троцкого, как великаго революціонера, и еще болѣе для униженія

смертельного врага его Сталина, как ничтожества и жалкого эпитона. Но написана она очень талантливо и читается с большим интересом. Безспорно, Л. Троцкий стоит во всех отношениях многими головами выше других большевиков, если не считать Ленина. Ленин, конечно, крупнейший и сильнейший, он глава революции, но Троцкий больше талантлив и блестящ. Мѣстами автобиография написана очень художественно, там гдѣ автор не занят партійными дрязгами. У Л. Троцкого есть художественная восприимчивость. Описание дѣтства и отрочества, описание охоты иногда напоминают Л. Толстого. Эти мѣста дают передышку, читатель отдыхает от подавленности мелочами и дрязгами революционной жизни. Жизнь Троцкого представляет значительный интерес и она ставит одну очень серьезную тему — тему о драматической судьбѣ революционной индивидуальности в революционном коллективѣ, тему о чудовищной неблагодарности всякой революции, извергающей и истребляющей своих прославленных создателей. Л. Троцкий не без гордости говорит, что у него нѣтъ личной судьбы, что его судьба слита с судьбой революции, которой он служит. Самообман и самоутѣшеніе. Личная судьба есть и у Л. Троцкого, и он напрасно хочет скрыть ее горечью. Активнѣйшій из революціонеров оказался лишним и ненужным человѣком в революционную эпоху. Это есть печальная судьба личности. Талантливый и блестящій Троцкий, создавшій

вмѣстѣ с Лениным большевицкую революцію, извергнут революціонным потоком и находит себѣ пристанище лишь в Турціи. Бездарный по сравнению с ним, незначительный, не игравшій большой роли Сталин — диктатор, глава революции, вершитель судеб Россіи и, может быть, всего міра. Этого никогда не удастся перевернуть Троцкому и никогда не удастся понять изнутри революционной эпохи. Но она поразит в болѣе глубокой план жизни, чтобы понять эти вещи. Люди міровоззрѣнія Троцкого никогда, вѣдь, не углублялись в проблему личной судьбы, они всегда заглушали в себѣ внутреннюю жизнь внѣшней борьбой. Автобиография Троцкого есть, конечно, очень интересный и талантливый документ нашей революционной борьбы. Нужно не жавет незначительностью внутренней жизни души, раскрывшей свою жизнь. Душа эта выброшена на поверхность, цѣликом обращена во внѣ, вся исходит во внѣшних дѣлах. Жизнь этой души рассказана так, как будто самой души нѣтъ, и во всяком случаѣ нѣтъ в ней духовнаго начала. Почему Троцкий стал революціонером, почему социализм стал его вѣрой, почему всю жизнь свою он отдал социальной революции? Внутренній генезис вѣры Троцкого, внутреннее формулированіе его мировоззрѣнія почти совсѣм не раскрыты. Указанные им внутренние мотивы образования революціоннаго чувства жизни незначительны и не могут объяснить такой революціонной энергии. По-

разительно, до чего Троцкий чужд всѣм умственным и духовным теченіям своей эпохи. Его ничто не затронуло. Для него ничего не существует кромѣ марксизма и самого наивнаго материализма. Он даже отрицательно не опредѣляется к другим теченіям. Он очень умный человѣкъ, но умственный его кругозор необычайно узок, интересы его очень однообразны. Он читает романы в часы досуга, но это лишь отдых от революціонной борьбы, внутренне его это чтеніе нисколько не затрагивает. Как писатель, он лишь талантливый журналист. В своих эмигрантских странствованіях он встрѣтился с Рагацем, швейцарским лѣвым социалистом и вмѣстѣ с тѣм вѣрующим христианином, протестантом. Социалист-мистик вызывает в нем лишь «неприятный озноб». Он ограничивается плоским замѣчаніем, что не может найти психологическаго соприкосновенія с людьми, которые «умудряются одновременно признавать Дарвина и Троицу». Это, кажется, единственное мѣсто, гдѣ Троцкий говорит о религіозном вопросѣ. Он остается стараго типа просвѣтителем и рационалистом, таким же, как и Ленин, но менѣе злобно полемическим.

Чему нас учит автобиография Троцкого? Вот что представляет мнѣ несомнѣнным: Л. Троцкий не настоящій коммунист, не до конца коммунист, и не случайно он оказался выпавшим на извѣстной стадіи коммунистической революции. Он и в прошлом не был большевиком, и напрасно он ста-

рается затушевывать свой меньшевизм, хотя и лѣвый. Троцкий очень типичный революціонер, революціонер большого стиля, но не типичный коммунист. Он не понимает самаго главнаго, того, что я назвал бы мистикой коллектива. Именно покорность мистикѣ коллектива заставляет Рыкова и многих других держать себя так, что это со стороны производит впечатлѣніе трусости и предательства относительно людей, с которыми они работают. Коллектив, генеральная линія коммунистической партіи — это, вѣдь, аналогично церковным соборам, и всякій, желающій остаться ортодоксальным, должен подчиниться совѣсти и сознанию коллектива. Л. Троцкий еще революціонер в старом смыслѣ слова, в смыслѣ XIX вѣка. Он не подходит к конструктивному періоду коммунистической революции. Его идея перманентной революции есть романтическая идея. Троцкий придает еще значеніе индивидуальности, он думает, что возможно индивидуальное мнѣніе, индивидуальная критика, индивидуальная инициатива, он вѣрит в роль героических революціонных личностей, он презирает посредственность и бездарность. Не случайно его обвиняли в индивидуализмѣ и аристократизмѣ. И именно он, организатор «красной арміи», сторонник міровой революции, совсѣм не вызывает того жуткаго чувства, которое вызывает настоящій коммунист, у котораго окончательно погасло личное сознание, личная мысль, личная совесть, и произошло окончатель-

ное вращение в коллектив. Есть еще одна особенность, отличающая Л. Троцкого. Русскому народу не свойственна театральность и риторика. В русской революции советам нет красивых театральных жестов и риторических украшений революции французской. Может быть, и хорошо, что в ней нет театральной красоты. Но плохо то, что в ней есть настоящая уродливость. Большевики вошли в русскую жизнь в первый же момент уродливо, с уродливым выражением лиц, с уродливыми жестами, они принесли с собой уродливый быт. Уродство это свидетельствует об онтологическом повреждении. Большевики сами чувствуют свое уродство, и это вызывает у них чувство *ressentiment*. Этим отчасти объясняются их безобразные действия. Сам Ленин как будто нарочно стремился к уродливому, говорил и писал грубо и некрасиво. Л. Троцкий один из немногих, желающих сохранить красоту образа революционера. Он любит театральные жесты, имеет склонность к революционной риторике, он по стилю своему отличается от большей части своих товарищей, которых он в сущности презирает. Л. Троцкий все еще не понял, что мы вступаем в эпоху пореволюционную, и что старый революционный душевный уклад и революционный пафос для нея не подходят.

Николай Бердяев.

А. ЮГОВ. «Пятилѣтка». Изд. «Социалистического Вѣстника».

Книга А. Югова заслуживает того, чтобы на ней остановиться. Автор продолжает свою работу, опубликованную два года тому назад,¹⁾ и охватывавшую период НЭПа. Теперь он пишет о пятилѣткѣ, ставя себя в этой книгѣ три задачи: освѣтить экономическое положение в Советской Россіи, отнестись критически к проблемам, выдвигаемым проведеніем пятилѣтки, и подчеркнуть правильность взглядов русских социал-демократов (меньшевиков).

Освѣщеніе советской экономики в период пятилѣтки выполнено автором вполне удачно. Собрано большое количество материала, и цифрового, и «декретного». Иногда читателю дается сравненіе с 1913 г. или с годами НЭПа. Удачно изложены психологическіе сдвиги в коммунистической партіи. Лучшее всего освѣщена промышленность. Мы видим болѣзненное напряженіе народного хозяйства Россіи для созданія тяжелой индустрии, — напряженіе, от котораго так страдает населеніе, отдавая треть своих скудных доходов, не доѣдая, истощаясь и физически, и морально, и материально... Чувствуется, что есть предѣл этому напряженію, но нет надежды на облегченіе, если большевики будут идти тѣм же путем... Еще далеко до того, что-

¹⁾ А. Югов. Народное хозяйство Советской Россіи и его проблемы. Изд. «Экономич. Пробл.». Берлин.

бы догнать или перегнать Америку и Европу. Далеко, если даже пятилѣтка и будет выполнена. Но на всѣх этих лишениях, чрезмѣрных, ненужных и жестоких, что-то строится. И это «что-то» все же реально является капиталом настоящего и капиталом — проблемой — будущаго. Мертвое создается, живое губится. А плану неизмѣнно сопутствуют диспропорціи и «узкія мѣста».

С деревней автор меньше знаком. Больше «разсужденій» — иногда спорных. «Товарность» колхозов, напримѣр, не является нормальной товарностью. Продукты колхозов фактически отчуждаются. Происходит **обязательная сдача** по цѣнам чрезмѣрно низким и нормам чрезмѣрно высоким. Колхозам предоставлено большее количество земли (на душу населенія), и они пользуются почти исключительной помощью М. Т. С. (машинно-тракторных станцій). На основаніи всего этого судить о их сравнительной производительности надо с осторожностью. У крестьянина-колхозника (в артели) оставляется не его «молочный скот», как пишет автор (стр. 69), а лишь одна корова, если таковая у него имеется; вторая уже «обобществляется» и т. д.

Мы сожалѣем, что автор удѣлил мало вниманія культурной сторонѣ пятилѣтки.

Вторая тема книги — проблематика пятилѣтки и ея критика — разработана и изложена слабо, хотя в большинствѣ случаев со взглядами автора соглашаешься.

Отчасти к проблематикѣ, отчасти к политической сторонѣ книги относится глава: «Является ли хозяйство СССР плановым хозяйством?». К нашему удивленію автор отвечает: «нет». Здѣсь мы с ним совершенно не согласны. Конечно, да. Опредѣлять понятіе «плановаго хозяйства» по тому, каков будет его результат (если удачный, так оно «плановое», а если неудачный, то оно «неплановое»), — совершенно недопустимо... В Советской Россіи все охвачено планом, — и производство, и распределеніе, и потребление. По словам самого «автора», даже очень утопическіе планы все же проводятся в жизнь, они механически ломают «объективные условия», и, «хотя лишь внешне, но в значительной мѣрѣ осуществляются» (стр. 123).

Третья тема книги, — политическая. Ей посвящено и послѣсловіе г. Дана, ради нея ведется полемика с Отто Бауэром. Хотя в этом спорѣ мы на сторонѣ г. Дана и г. Югова, но считаем всю эту полемическую часть книги излишней, методологически неоправданной.

К недостаткам книги относится невозможный язык, который, помимо запутанной тяжести, грѣшит и неточностью в употребленіи экономических терминов. Извольте, напримѣр, прочитать и понять слѣдующую фразу: «Высокія цѣны в Советской Россіи имѣют отрицательное значеніе не с точки зрѣнія неконкурентности советской продукціи». (Стр. 75).

При всем том появление новой книги Югова мы расцениваем положительно. Автор и хорошо освещен и достаточно объективен.

Г. Озерцовский.

«ПУТЬ» №№ 28 — 29, 1931 г.

Последние книжки «Пути» больше, чем наполовину, посвящены вопросам социального христианства. Обширная статья Н. Алексеева, «Христианство и социализм» (№ 28), дает общее введение в социальную проблему с точки зрения христианства: введение историческое и введение догматическое. (Последнее уступает первому в четкости). При энергичном отталкивании от капитализма и экономического индивидуализма, автор зовет к исканию среднего пути между индивидуализмом и коллективизмом. Теоретик современного евразийства, в отличие от Л. П. Карсавина, отказывается утверждать приоритет «коллективных личностей». Он доходит даже до признания, что для христианства, «как ни далек от него физический индивидуализм, он все же ближе универсализма». Так как свобода автора от предпосылки буржуазного экономизма вне сомнений, то это признание нам представляется весьма ценным в его устах.

Ф. Степун в статье «Религиозный социализм и христианство» (№ 29) дает характеристику одного из интересных течений послереволюционной Германии: социализма Тиллиха и его школы. Русский чи-

татель может быть удивлен, узнав, что немецкие пасторы и теологи этой школы оправдывают большевизм и коллективные злодеяния пролетариата. Однако из анализа Ф. Степуна явствует, что «насколько подлинен социализм религиозных социалистов, настолько же проблематична с христианской точки зрения их религиозность». Может быть, в лицах Тиллиха мы имеем пример нехристианской духовности, не осознавшей своего отрыва от христианства. «Не знаете, какого вы духа». В тех же номерах «Пути» начала печатанием анонимная работа, присланная из Советской России и подписанная «Русский Инок». Тема ее — «Религиозные основания политической экономии» — сама по себе увлекает своей новизной и своевременностью. Если судить по первым главам, автор обладает и талантом и оригинальностью мысли. Особенно интересна первая глава, представляющая собой попытку обосновать «социальное христианство» на аскетикъ, на почве которой велась до сих пор главная борьба против него. Здесь идет на пользу даже самая односторонность автора; подобно многим в наше время, он стремится подчинить аскетикъ не только всю религиозную жизнь, но даже учение о том, «как устраивать внешнюю жизнь» (!). Его борьба против принципа принудительного страдания, указания на аскетические пороки современного строя, блестящи. Однако, в аргументации автора есть ряд скачков, объясняемых узостью исходной посылки.

Непонятно, откуда появляется свобода, как благо, наряду со справедливостью. Наивным представляется и требование полной платы трудящимся. Это прескажет всякое социальное творчество. Для аскета понятен этический индивидуализм, который проглядывает во всем ходе мыслей талантливой автора. Но думаем, его попытка элиминировать любовь (или, говоря шире: проблему человеческого общения) при решении социального вопроса для христианина неприемлема. Вторая глава «Хозяйство природы» является апологией природы, как закономерного космоса. В красоте отражается план Божественной Премудрости. Сама красота для автора сводится к экономии (принцип наименьшей затраты сил), что открывает путь к экономии социальной. Удивляет натуралистический оптимизм автора, заметный и в первой статье. Он закрывает глаза на дисгармонию в природе, и в этом источник его социального оптимизма. При всей спорности основных положений, статьи «Русского Инока» полны волнующих мыслей и доказывают, как именно религиозное углубление в социальную проблему, особенно в православии (совершенно дѣйственная почва) способно внести остроту и содержательность в ту систему общих мѣст, которой часто является социальное христианство на Западе. Хотѣлось бы, чтобы вся книга «Русского Инока» дошла, наконец, до читателя.

L. ROMIER. *Nation et Civilisation*. G. FERRERO, *L'Unité du Monde*. Paris, 1927.

Объ почти одновременно вышедших книжки посвящены одной проблеме, по разному формулированной в заглавиях, и взаимно дополняют друг друга. Это проблема антагонизма между двумя, в наше время реализовавшимися величинами: единой мировой цивилизацией и национальным государством. Для представителей романской мысли характерно, что они ставят проблему так же четко и категорично, как немцы или русские, но пытаются подойти к ее разрешению много осторожнее и слабее. В этом их сила, но и слабость. Нет апокалиптических предчувствий и эсхатологических мечтаний, но зато есть какая-то недодуманность. Ромье говорит о необходимости отрешиться от представления, будто экономические, лингвистические и политические границы должны непременно совпадать (проклятие современной политической системы европейского мира), но не видит, что, если его требование будет выполнено, то политические границы вообще утратят свой смысл. У Ферреро дана бѣглая сводка фактов, свидетельствующих о конце европейского империализма (рост «колониального» капитализма, пробуждение национального сознания у вне-европейских народов — все результаты европеизации мира). Надежды на улажение антагонизма между Европой (и Америкой) и остальным миром он возлагает на Лигу На-

Г. Ф.

ций и на упрочение режима всеобщего избирательного права. Ромье идет несколько дальше и мечтает о духовной власти европейской интеллигенции, каковая власть — чисто моральная — осуществится в результате сотрудничества университетов и академий.

П. Б.

Arnold BREMOND. *Une explication du monde ouvrier*. St.-Etienne. 1927. (Extrait de la Rev. du Christianisme Social).

P. LHANDÉ. *Le Christ dans la banlieue*. Paris. 1926.

P. LHANDÉ. *Le Dieu qui bouge*. Paris. 1930.

R. GARRIC. *Belleville*. Paris. 1929. (Grasset).

В чем мы больше всего нуждаемся в поисках решения социальной проблемы современности, так это в точной документации. Необходимо освободиться от всех схем буржуазной и социалистической школы и увидеть действительность, как она есть. Одна из важнейших сторон этой информации — изучение современного рабочего быта: материального и духовного состояния пролетариата. Три выше названных книги и представляют такого рода анкеты, предприятия за последние годы среди парижских рабочих. Все авторы христиане: Ланд, известный католический проповедник, посвятивший себя миссии в «красной зоне» парижских предместьев; Гаррик, тоже католик,

энергичный и искусный организатор «Equipes sociales», студенческих групп для помощи рабочим; Бреммон, студент протестантского Богословского Института в Париже, сам, в течение 8 месяцев извѣдавший на себе всю горечь наемного труда на заводах в Иври и провинции. Книжки разного духа и разного стиля. От каждой из них создается иное впечатление, и, хотя они не исключают прямо друг друга, но вместе показывают, как трудно добиться в социальной анкете объективной истины. От Ланда, миссионер, смотрит на изображаемый мир сверху, как на объект и поле работы. Он рисует ужасающую картину религиозного и морального одичания парижских предместий, совершенно языческих, чтобы на этом фоне показать героические усилия апостолов Церкви, увѣнчивающиеся успехом. Гаррик не ведет религиозной пропаганды и подходит к рабочему миру человечески-просто, исходя из личных дружеских связей эпохи окопной войны. Неисчерпаемый оптимизм автора приводит к своеобразному народничеству: в пролетариате Бельвиля ему удается найти подлинный народ, в котором живут лучшие национальные традиции Франции. Он коротко характеризует бедность и страдания народа, чтобы в восхищении остановиться на его мужестве, социальных добродетелях, стремлении к знанию. Особенно интересны у него описания народных развлечений, балов, синема и театра, в которых он склонен видеть невинные и благород-

ные радости. Оптимизм автора вызывает к нему симпатии; думается, что он помогает ему и его соратникам в их социальном подвиге. Но для читателя он не всегда убедителен. Желая доказать христианское состояние народной души, он указывает на старуху, молящуюся в церкви и вдруг, словно подмѣнив своего читателя, начинает убеждать его в том, что Церковь не враг народа. Бреммон вложил в свою небольшую книжку гораздо больше опыта и проработал его с несравненно большей религиозной остротой. Он один показывает рабочего на фабрике, в обстановке изнурительного, нездорового труда, приводящего массу в состояние животного отупения. Переходя к рабочей «элите», он рисует типы индивидуалистов и коллективистов с их разными путями «спасения». Интересно, что больше всего идеализма, моральной строгости и жажды знания он находит у анархистов. Коммунист ему представляется типом фанатика, положительно враждебного свободному изследованию истины и всякой личной морали. Не идеализируя своих рабочих друзей, Бреммон видит несовместимость их героизма с христианством, как религией, и, возлагая большую ответственность за разрыв между христианством и народом на христиан, не обольщает себя легкостью побѣд в этой среде. К этой работе он зовет, как на вольный подвиг бедности и даже мученичества, подчеркивая необходимость двух сторон ее: социально-реформаторской и духовной. Мы

не могли бы достаточно рекомендовать русскому читателю эту книгу.

Г. Ф.

Jean MAXENCE et Nadejda GORODETZKY. *Charles Péguy*. Textes suivis de débats au Studio franco-russe. «Cahiers de la Quinzaine» No 121 (1931).

Два доклада и прения, вызванные ими во Франко-русской студии 24 февраля 1931 г., привлекают наше внимание не только русским именем одного из докладчиков. Все, что связано с памятью Пегю, нам особенно дорого. На пороге «Нового Града» нельзя не помянуть благодарным словом автора «Cité harmonieuse». В этом представителе самых благородных традиций Франции мы, русские, охотно узнаем образ отошедших уже в прошлое праведников русской интеллигенции. Полное отсутствие литературности, даже всякого литературного самоопределения, полная слитность творчества и жизни, писательство, как общественно-религиозное служение, безоглядная отдача себя идеѣ, святая бедность, принятая, как призвание — делают из Пегю больше, чем учителя социальной правды. Это Ганди Запада, апостол святого противления злу. Сейчас уже не так важно то, чему учил Пегю. Напрасно искать у него рецептов для спасения человечества. Но дух Пегю, дух вольного христианства, который совмещает защиту бедно-

сти и труда с пламенной любовью к родинѣ, революціонизм с классической традиціей, всечеловѣчность с исключительностью и непримиримостью моральных оцѣнок — этот дух подвижника и рыцаря Христова мы хотѣли бы сдѣлать своим и завѣщать его русской молодежи. Самое отрадное и неожиданное, что мы узнаем из отчета о русско-французской бесѣдѣ, это заявленіе молодых о том, что Пегги имѣет для них актуальное значеніе. Недавно трое из молодых писателей — Мунье, Изар и Марсель Пегги, сын поэта, издали книгу, посвященную его міросозерцанію. Именно политическое служеніе Пегги (т. е., говоря его словами, общественная «мистика» Пегги) теперь становится притягательной для идеалистической молодежи Франціи. В добрый час. В небольшой книжкѣ читатель, незнакомый с Пегги, найдет довольно много черт для воссозданія его облика и, что особенно цѣнно, много цитат, передающих самое непередаваемое в нем: его стиль.

Г. Ф.

Paul VALÉRY. Regards sur le monde actuel. Stock. Paris. 1931.

Не в первый раз поэт и эстетик, нынѣ академик, Поль Валери, выходит из узкаго круга своего творчества — «для немногих» — чтобы взглянуть в лицо волнующей современности. Он всматривается в нее с острым любопытством аналитическаго ума и с резиньящей заранѣ побѣжден-

ной воли. Настоящее и будущее прельщают его научными переворотами, которые сближают область чудеснаго и точнаго, — он готов в этом смыслѣ защищать «прогресс» от романтиков. Но политическое состояніе міра заслуживает только презрѣнія. Полятика самая отсталая функція культуры. Она живет мертвой традиціей, мнѣнами, к которым Валери безпощаден. Пред лицом пробуждающихся рас Востока, перед задачей построения новой «Римской» имперіи, европейскіе политики «играют в арманьяков и бургундцев», безсильные предотвратить надвигающіяся катастрофы. Земной шар, в своей политической биографіи, и является настоящей темой тревоги Валери. Соціальный вопрос не останавливает его вниманія. Так как его книга составилась из отдѣльных, всегда остроумных, порою блестящих статей, то в ней нашлось мѣсто и для оптимистическаго этюда; характерно, что темой его является Франція. Но основная установка его перед міром лучше всего выражается в заключающих книгу словах: «Не кажется ли вам, что человѣчество, при всей своей ясности и разсудительности, не способное принести жертву своими влеченіями ради познанія и своей ненавистью ради скорби, ведет себя подобно рою глупых и жалких настькомых, неудержимо летящих на огонь».

Г. Ф.

Le Gérant : I. ROSSEL-CHIOT.